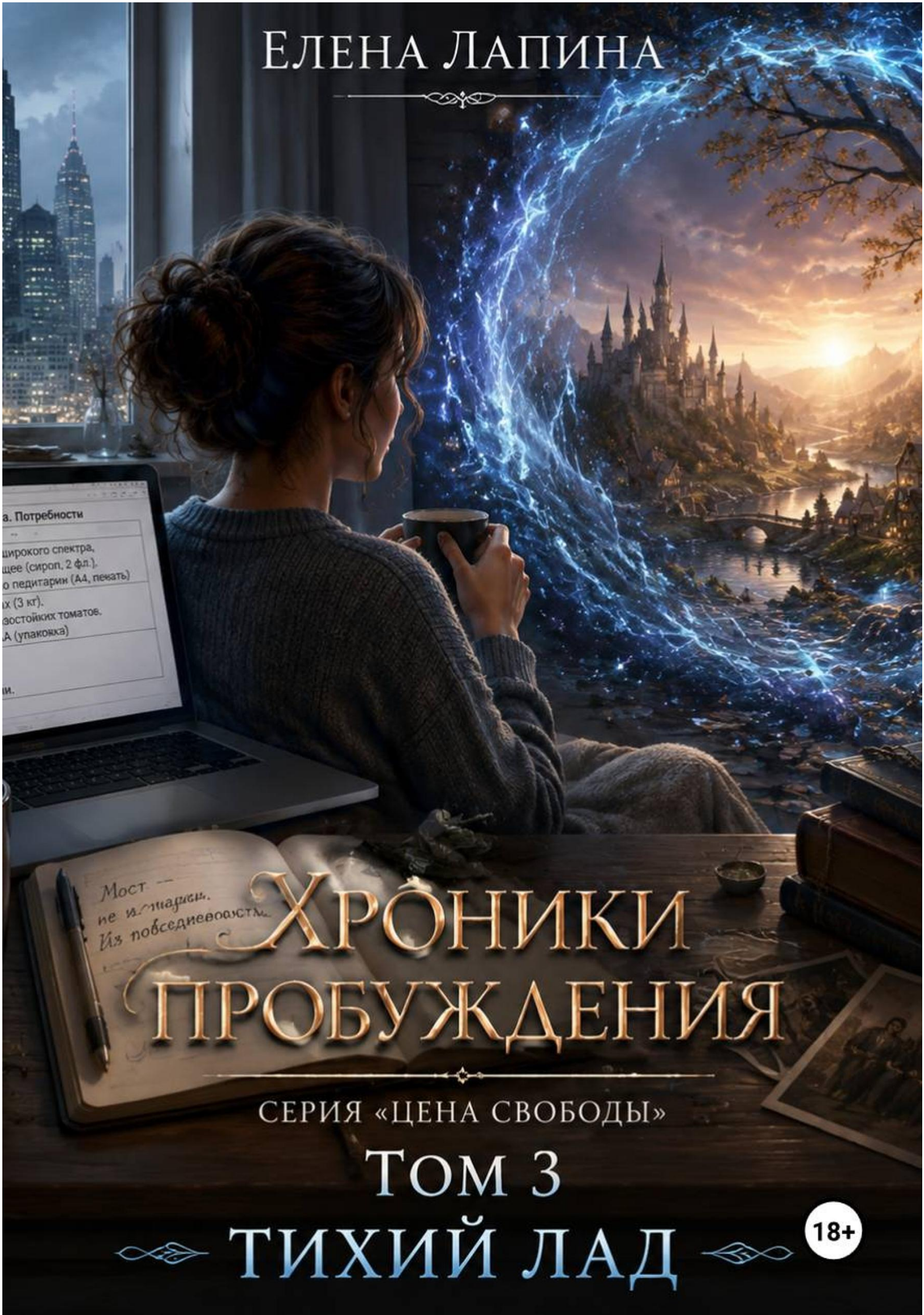

Елена Лапина
Хроники пробуждения
Серия «Цена свободы»
Том 3
Тихий лад
18+

Хроники пробуждения. Цена свободы

Елена Лапина

Цена свободы. Тихий лад

«Автор»
2026

Лапина Е.

Цена свободы. Тихий лад / Е. Лапина — «Автор», 2026 — (Хроники пробуждения. Цена свободы)

Марина ушла — чтобы спасти детей. Михаил остался — чтобы сохранить всё, что они построили вместе. Казалось бы, история закончена. Героиня вырвалась из золотой клетки. Обрела свободу. Вернулась к матери, к брату, к подруге, которая не переставала искать.Но любовь, однажды пробудившаяся, не знает границ между мирами.«Тихий лад» — это книга о том, что начинается после. После побега. После суда. После поцелуя на рассвете у валуна. После слова «до встречи», которое оказалось сильнее любого «прощай».Это история о том, как двое взрослых людей с обожжённым прошлым учатся жить не рядом, а вместе. Как из двух разных миров — с магией и без, с графским титулом и красным дипломом экономиста, с детьми и шрамами на душе — складывается одна семья. Для кого эта книга:Для тех, кто строит лоскутную семью — с детьми от предыдущих отношений, с бывшими супругами и сложными историями за плечами. Для тех, кто верит, что после бури может быть не просто «спокойно», а по-настоящему тепло.

© Лапина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инвентаризация двух миров 5
Глава 2. Баланс сходится 19
Глава 3. Новые корни 32
Глава 4. Мост надежды 48
Глава 5. Тени и свет 61
Глава 6. Голос из темноты 83
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Елена Лапина
Цена свободы. Тихий лад

Глава 1. Инвентаризация двух миров

Москва встречала ноябрём — серым, мокрым, с ветром, который пробирался под самые тёплые шарфы. Но в квартире на тихой улице в районе Сокол было тепло. Пахло свежемолотым кофе, сушёной мятой и чем-то неуловимо родным — запахом дома, который больше не нужно было защищать от чужих вторжений.

Марина сидела за кухонным островом. Перед ней стоял ноутбук, а рядом лежал блокнот, страницы которого были исписаны её мелким, аккуратным почерком экономиста. Но это был не обычный финансовый отчёт.

Колонки таблицы назывались странно:

«Воронцово. Зима. Потребности».

«Медицина: Антибиотики широкого спектра, жаропонижающее (сироп, 2 коробки.), справочник по педиатрии (А4, печать)».

«Быт: Кофе в зёрнах (3 кг), семена морозостойких томатов, батарейки АА (упаковка)».

«Личное: Письма. Книги. Фотографии».

— Ты снова составляешь смету на межмировой логистический хаб, — раздался голос Наташи.

Подруга вошла на кухню, ставя на стол две дымящиеся кружки. Она выглядела так же, как и полгода назад: короткая стрижка, цепкий взгляд, энергия, которая могла бы питать небольшой город. Но в уголках её глаз теперь читалась мягкость — та самая, которая появляется, когда человек видит, что его лучший друг наконец-то выдохнул.

— Это не хаб, — усмехнулась Марина, принимая кружку. — Это забота. Распределённая.

— Берсеневы больше не тень, Марин, — Наташа села напротив, обхватив ладонями чашку. — Я получила сегодня финальное уведомление от Ирины Петровны. Артура поместили в закрытую клинику после очередной попытки организовать «поисковую экспедицию». Нина Сергеевна продала долю в «ИнвестТрансе» и уехала в своё шато во Франции. Илья вообще предпочёл делать вид, что этой ветки семьи не существует. Ты свободна. Окончательно. Юридически и фактически.

Марина кивнула. Она ждала этих слов, но когда они прозвучали, внутри не было эйфории. Не было желания бежать и кричать. Было только тихое, ровное тепло. То самое, о котором говорила Елена Олеговна: «Свобода — это не громкий хлопок двери. Это возможность спокойно заварить чай и не оглядываться».

— Спасибо, Наташ, — тихо сказала Марина. — За всё. За то, что вытащила меня тогда. За то, что помогла наладить… это. — Она кивнула на ноутбук.

— Не благодари. Я просто безопасник, — усмехнулась подруга. — А вот Алексей — гений. Ваш маленький маг-аналитик. То, что он сделал с биологическими образцами и магическим стазисом… Если бы я не видела, как смартфон заряжается от искры Ивана, я бы не поверила. Вы создали мост. Не из магии. Из повседневности.

Марина посмотрела на экран. Мост. Да.

Трещина, через которую она ушла, не закрылась. Она стала стабильной. Узкой, пульсирующей, но стабильной. Алексей, Настя и Михаил с одной стороны, и Наташа с современным оборудованием — с другой, нашли резонанс. Они не могли просто взять и пройти туда-обратно в любой момент — энергетический фон Земли и того мира был слишком разным, переход требовал подготовки, лунных фаз и огромных затрат магии Михаила.

Но они могли передавать. И они могли видеть. Раз в неделю, на закате, в день убывающей луны, смартфон Марины на тридцать минут превращался в окно. Не в видеосвязь — сигналы глохли, искажались. Но в текстовые сообщения и короткие, размытые, как акварель, фотографии.

Это было неволшебно. Это было трудно. Это требовало терпения.

И именно это было настоящим.

Воронцово. Имение.

Михаил Иванович стоял у окна своего кабинета. За стеклом падал первый снег — крупный, мокрый, ленивый. В камине потрескивали дрова, отбрасывая на дубовый стол пляшущие тени.

На столе, среди пергаментов, сургуча и старинных карт, лежал странный предмет. Тонкий, чёрный, с гладким стеклянным экраном. Смартфон.

Михаил улыбнулся. Он научился обращаться с этой штукой. Не идеально — он всё ещё иногда пытался «перелистнуть» экран пальцем, как страницу книги, и забывал, что зарядку нужно подключать к тому самому магическому кристаллу, который Алексей настроил в подвале башни. Но он научился главному: ждать.

Дверь кабинета тихо скрипнула. На пороге стоял Иван. Четырнадцать лет, широкие плечи, серьёзный взгляд. Он уже не был тем испуганным мальчиком, который прятался от собственной тени. Он был наследником. Он был опорой.

— Отец, — Иван кивнул. — Фёдор Ильич передал, что школа закрыта на зимние каникулы. Запасы дров и угля в норме. Матрена просила передать, что варенье из поздних яблок готово, она отобрала лучшие банки для… отправки.

— Передай Матрене мою благодарность, — Михаил подошёл к столу. — А ты как, сын? Устал?

Иван пожал плечами, но в глазах мелькнула тёплая искра.

— Немного. Настя вчера устроила в мастерской праздник для девочек. А Алексей… Алексей опять не спал. Он в башне. Говорит, нашёл способ усилить «якорь», чтобы следующая передача была не только текстовой, но и голосовой. Хотя бы на минуту.

Михаил положил тяжёлую ладонь на плечо старшего сына.

— Скажи ему, чтобы он спал. Мост не рухнет за одну ночь. Мы никуда не спешим.

Иван кивнул. Он понял. Мы никуда не спешим. Это была новая философия дома Воронцово. Раньше здесь жили страхом, долгом, местью и спешкой. Теперь здесь жили ритмом. Ритмом, который задала женщина из другого мира.

— Она сегодня должна написать, — тихо сказал Иван. — По её времени — вечер.

— Иди отдыхай, — мягко сказал Михаил.

Когда сын ушёл, Михаил сел в кресло. Экран смартфона мигнул. Голубоватый свет озарил его шраматое, повзрослевшее лицо.

Появилась строка текста.

«М. Привет. У нас выпал снег. Мама испекла пирог с капустой. Павел уснул с деревянной лошадкой. Я скучаю. Как у вас?»

Михаил не взял перо. Он не писал на пергаменте. Он печатал на экране — медленно, одним пальцем, стараясь не задеть соседние буквы.

«Марина. Снег. Школа на каникулах. Иван здоров. Алексей чинит магию. Настя учит детей шить. Я жду. Береги себя. Твой М.»

Он отправил. И понял, что за эти месяцы он научился любить по-новому. Не огнём, не надрывом, не желанием защитить ценой собственной жизни. А тихим, ежедневным присутствием. Знанием того, что где-то далеко, в мире без магии, женщина пьёт чай и знает: он здесь. Он ждёт. Он — её тыл.

Москва.

Марина прочитала ответ. Одно слово «жду» заставило её сердце сжаться. Не от боли. От огромной, тихой нежности.

Она встала, подошла к окну. Москва шумела, мигала фарами, спешила. Её мир был быстрым, жёстким, требовательным. Мир Михаила был медленным, глубоким, живым.

Она могла бы остаться там. Навсегда. Михаил ждал. Дети ждали.

Но Марина была экономистом. Она знала: нельзя просто взять и перенести актив в другую юрисдикцию без потерь. Нельзя просто вырвать корни из одной почвы и пересадить в другую, не подготовив землю.

Ей нужно было завершить дела здесь. Стабилизировать реабилитационный центр. Поднять мать. Поставить Игоря на ноги. Выиграть суды, которые она оставила на попечение доверенных лиц.

Они строили лоскутное одеяло. И каждый лоскуток — её мир и его мир — должен был быть целым, чтобы вместе они не тянули друг друга на дно, а грели.

— Наташ, — Марина повернулась к подруге. — Передай Алексею, что я отправляю посылку завтра. Там новые медицинские справочники и… письмо.

— Только письмо? — хитро прищурилась Наташа.

— Нет. Ещё саженцы. Мама сказала, что в Воронцово плохо растёт чёрная смородина. Она хочет, чтобы Михаил высадил их у флигеля Насти. К весне.

Наташа улыбнулась.

— Лоскутная семья, Марин. Сшитая нитками из двух разных миров.

— Да, — Марина прижала ладонь к груди, туда, где под рубашкой лежал серебряный медальон с прядкой тёмных волос графа Воронцова. — И самое главное в этом одеяле — это не магия.

— А что?

— А то, — Марина посмотрела на таблицу в ноутбуке, на список «Быт», на строчку «Кофе в зёрнах», — что мы помним, как кто-то любит свой утренний кофе. И везём его через пропасть. Каждый день.

За окном Москвы падал снег.

За тысячи километров от неё, в другом измерении, Михаил Иванович Воронцов доставал из ящика стола серебряные часы, заводил их и тихо шептал в тишину кабинета:

— Спокойной ночи, моя светлая. До завтра.

И это было начало их настоящей жизни. Не революции. Не побега. А тихого, бережного, ежедневного лада.

Двумя месяцами ранее.

Двигатель автомобиля тихо заурчал, постепенно затихая на холостых оборотах. Марина сидела за рулём и смотрела на знакомый двор. Серое небо нависло над крышами домов, обещая скорый дождь. Асфальт блестел от недавней мороси. Этот двор был совершенно обычным, лишённым той магии, которая пронизывала воздух в Воронцово. Здесь не светились голубоватым светом магические узлы, не пахло озоном перед грозой и древесной смолой. Здесь пахло выхлопными газами и чьим-то жареным из открытого окна дома. Этот мир был серым, тяжёлым и до боли родным.

Марина медленно выключила зажигание. Руки, крепко сжимающие кожаный руль, предательски дрожали. Она посмотрела на заднее сиденье. Виолетта спала, прижав к себе тряпичную куклу, которую ей подарила Настя. Павел мирно посапывал в своём автокресле, сжимая в руке деревянную лошадку. Они были дома. В своём мире. В своём времени.

Марина достала из кармана телефон. Экран зажёгся ярким светом, ослепив в полумраке салона. Сеть ловила отлично. Она открыла мессенджер и нашла контакт, который не открывала целую вечность. Пальцы быстро набрали текст: «Я дома. Мы живы. Жду тебя».

Она нажала кнопку отправки и выдохнула, чувствуя, как каменное напряжение, державшее её все эти месяцы, начинает медленно отпускать. Ответ пришёл почти мгновенно: «Выезжаю. Держи дверь закрытой. Никому не открывай».

Марина улыбнулась. Наташа оставалась собой. Даже спустя восемь месяцев молчания она действовала чётко, быстро и без лишних эмоций.

Марина открыла дверцу, вышла на холодный воздух и обошла машину, чтобы достать из багажника небольшой сундучок и узелки с подарками, которые ей дали в Воронцово. Она осторожно взяла на руки Павла, кивнула Виолетте, которая уже проснулась и смотрела в окно широко открытыми глазами.

— Мы пришли, солнышко, — тихо сказала Марина. — К бабушке.

Они подошли к калитке. Марина нажала кнопку домофона. Сердце колотилось где-то в горле. Прошло восемь месяцев. Восемь месяцев для этого мира. Целый год для того, другого мира. Она не знала, что скажет матери. Как объяснит своё исчезновение. Как расскажет о человеке, которого оставила там, в тумане.

Дверь щёлкнула. Марина толкнула её и вошла в знакомый двор. Поднялась на крыльцо. Дверь дома была приоткрыта. На пороге стояла Валентина Ивановна. Мать выглядела старше. В её волосах появилось больше седины, вокруг глаз залегли глубокие тени. Она держала в руках кухонное полотенце и смотрела на дочь так, словно боялась моргнуть и потерять видение.

— Мама, — прошептала Марина.

Полотенце выпало из рук Валентины Ивановны. Она не закричала. Не заплакала навзрыд. Она просто шагнула вперёд и обняла дочь. Крепко, до боли, словно пытаясь вдавить её обратно в свою жизнь, убедиться, что это не галлюцинация, не сон, не ошибка уставшего разума.

— Мариночка, — шептала мать, перебирая пальцами волосы дочери. — Живая. Ты живая. Я ждала. Я каждый день ждала.

Павел потянулся к бабушке, лепеча что-то своё. Валентина Ивановна взяла внука на руки, прижала к плечу, погладила по мягким волосам.

— Пашенька. Виолетточка. Мои родные.

Виолетта подошла, обняла бабушку за талию.

— Здравствуй, бабушка.

Голос девочки звучал тихо, но уверенно. Валентина Ивановна замерла, посмотрела на внучку, затем на Марину. В её глазах читался немой вопрос. Марина лишь кивнула.

— Потом, мама. Всё потом. Мы дома.

Из глубины дома послышались быстрые шаги. На порог выбежал Игорь. Он остановился, увидел сестру, и по его лицу пробежала целая гамма чувств. Сначала шок, затем недоверие, потом облегчение и, наконец, та самая братская злость, которая маскирует огромный страх. Он подошёл, обнял Марину одной рукой, другую положил ей на затылок.

— Ты где была, Марин? — его голос дрогнул. — Мы с ума сходили. Наташа перевернула всё. Я готов был пойти к Берсеневым и свернуть им шеи. Ты почему не позвонила?

— Я не могла, Игорёк, — Марина уткнулась лицом в плечо брата. — Я совсем не могла. Но теперь мы здесь. И мы в безопасности.

Они прошли на кухню. Валентина Ивановна поставила чайник, начала суетиться, доставать чашки, печенье, словно пытаясь заполнить паузу привычными бытовыми действиями. Игорь сел напротив сестры, положил на стол руки и смотрел на неё, ожидая объяснений.

Марина достала телефон. Экран снова зажёгся. Она показала матери и брату фотографии. Цифровые снимки, которые она сделала в Воронцово, и магическую копию, которую создал Михаил. На фотографиях был старый каменный дом имения, сад, фонтан. Были дети. Иван, Алексей, Настя. Был Михаил. Его взгляд, тяжёлый и нежный, смотрел прямо в душу.

— Где это, Марин? — Игорь нахмурился, рассматривая снимок усадьбы. — Это не Россия. Архитектура другая. Костюмы. Это что, реконструкция?

— Это не реконструкция, Игорь, — Марина сделала глубокий вдох. — Это другой мир. Я попала туда восемь месяцев назад. Когда мы убегали от погони Артура. Туман. Дорога оборвалась. И мы оказались там. В имении графа Михаила Воронцова.

Валентина Ивановна остановилась с чайником в руках. Игорь посмотрел на сестру так, словно она сказала что-то совершенно безумное.

— Марин, ты устала. Тебе нужно поспать. Я вызову врача.

— Я не сошла с ума, брат, — Марина говорила спокойно, уверенно. — Я прожила там целый год. Для них прошёл год. Для нас прошло восемь месяцев. Я вела их хозяйство. Я открыла школу. Я учила детей. Я лечила людей. Я полюбила человека, которого оставила там. И мы ушли только потому, что там нам всем угрожала опасность. Имперская Канцелярия. Донос. Андрея Велецкого. Месть за прошлое. Мы должны были уйти, чтобы защитить детей. Чтобы защитить их всех.

Она рассказывала долго. О магии, которая была там такой же обычной, как электричество здесь. О Виолетте, которая заговорила и услышала мир. О Павле, который управлял водой. О трещине в пространстве, которая открылась благодаря их общему желанию.

Игорь слушал, не перебивая. Его скептицизм медленно таял, уступая место осознанию масштаба того, через что прошла его сестра. Валентина Ивановна тихо плакала, вытирая слёзы фартуком. Она не понимала слов про магию и Канцелярию, но она понимала главное. Её дочь выжила. Её дочь прошла через ад и вернулась.

Дверной звонок прервал тишину. Игорь встал, посмотрел в глазок и открыл дверь. На пороге стояла Наташа. Короткая стрижка, строгое пальто, в руках планшет и тяжёлая папка с документами. Она вошла, сбросила обувь, кивнула Игорю, подошла к Марине и обняла её. Коротко, крепко, по-деловому.

— Ты в порядке? — спросила Наташа.

— Мы в порядке, — ответила Марина. — Все живы. Все расскажу. Михаил ждёт. Он поставил маячок. Он знает, что мы добрались.

Наташа села за стол, открыла папку.

— Хорошо. Теперь к делу. Берсеневы не дремали. Артур подал заявление о розыске. Нина Сергеевна наняла лучших частных детективов. Суд по разводу и опеке заморожен до твоего появления. Если ты появишься сейчас и скажешь, что жила в другом мире у графа с магическими детьми, тебя признают недееспособной, а детей заберут в опеку. Артур использует это, чтобы уничтожить тебя.

— Я знаю, — Марина кивнула. — Поэтому какая у нас есть легенда?

Наташа достала лист бумаги.

— Я подготовила, вместе с Ириной Петровной. Восемь месяцев ты провела в закрытом реабилитационном центре в глухом регионе. Ты готовилась к финальному удару по Берсеневым. Ты собирала компромат. Ты работала с психологом, восстанавливая нервную систему после тяжелейшего стресса и побоев. Ты была в полной информационной изоляции по предписанию службы безопасности. Подписка о неразглашении. Защита свидетеля. Мы предоставим юридически безупречные медицинские карты, договоры с частной клиникой, показания охранников. Ты вернулась, потому что подготовка закончена. Ты готова дать бой в суде.

— А Виолетта и Павел? — спросила Валентина Ивановна, робко подходя к столу.

— Дети находились с матерью в центре реабилитации, — Наташа даже не моргнула. — У Виолетты обострение после стресса, от погони Артура, требовалась специфическая сурдопедагогическая изоляция. У Павла нервное расстройство, от то го же. Всё задокументировано. Ни один судья не посмеет усомниться, а мы подадим это под правильным углом.

Игорь посмотрел на Наташу, затем на сестру.

— А правда? Что мы скажем друзьям? Знакомым?

— Правду мы скажем только друг другу, — Марина посмотрела на мать, на брата, на подругу. — Никто не должен знать про Воронцово. Про Михаила. Про Ивана, Алексея, Настю. Люди не поймут. Они решат, что я сошла с ума. А Берсеневы могут использовать любую деталь, чтобы признать меня опасной для детей. Эта правда слишком хрупкая. Она существует только для нас. Для тех, кто знает цену нашей свободе.

Наташа кивнула.

— Я уже подготовила документы о неразглашении. Мы подпишем их прямо сейчас. Это не потому, что я вам не доверяю. Это потому, что юридическая защита от случайной утечки информации должна быть железной. Если кто-то из нас проговорится в состоянии стресса или под давлением, эта бумага защитит Марину в суде.

Они подписали документы. Четыре листа. Четыре подписи. Четыре судьбы, связанные одной тайной. Игорь налил всем чай. Валентина Ивановна достала из холодильника праздничный торт, который, как она призналась, пекла каждый месяц в день исчезновения дочери, веря, что та вернётся.

Они сидели на кухне до глубокой ночи. Марина рассказывала. О том, как пахнет снег в Воронцово. О том, как смеётся Павел, когда вода танцует в его ладонях. О том, как Михаил смотрит на неё, словно она единственный свет в его тёмном доме. Виолетта показывала им миры прямо в голове.

Она показала медальон с прядкой его волос. Валентина Ивановна плакала, держа медальон в дрожащих руках. Игорь слушал, и в его глазах больше не было скептицизма. Только гордость за сестру, которая смогла выжить там, где другие сломались бы. Наташа делала пометки в своём планшете, выстраивая стратегию судебного боя. Она уже знала, как нанести удар по империи Берсеневых. Она знала, как защитить Марину. Теперь, когда Марина вернулась, у них были все козыри.

— Завтра в девять утра мы едем к Ирине Петровне, — Наташа закрыла планшет. — Мы подаём ходатайство о возобновлении бракоразводного процесса. Мы предоставляем легенду о реабилитации. Мы наносим первый удар. Берсеневы думали, что ты сломлена. Что ты спряталась в норке. Они не знают, что ты вернулась с армией.

— У меня нет армии, — Марина улыбнулась. — У меня есть вы. И у меня есть он. Там, за туманом. Этого достаточно.

Марина подошла к окну. За стеклом шёл дождь. Серый, холодный, настоящий дождь её мира. Она прикоснулась к стеклу. Где-то там, в другом измерении, в старом каменном доме, Михаил тоже смотрит в окно. Он ждёт. Он обещал ждать. И она знала, что трещина откроется снова. Не завтра. Не через месяц. Возможно, через год. Но она откроется. Потому что некоторые вещи сильнее расстояния. Сильнее миров. Сильнее времени.

А пока ей нужно было вернуться в свою жизнь. Завершить то, что было начато. Защитить своих детей. И построить тот самый дом, в котором каждому будет тепло. Дом, который

не будет похож на другие. Дом, который она построит сама. Из разных лоскутков. Из боли и радости. Из тайны и правды. Из любви, которая не знает границ между мирами.

Марина отвернулась от окна, посмотрела на свою семью. На мать, которая наконец-то перестала бояться каждого стука в дверь. На брата, который нашёл свою опору. На подругу, которая не предала.

— Спасибо вам, — прошептала она. — За то, что ждали.

— Мы всегда будем ждать, Марин, — Игорь положил руку ей на плечо. — Ты дома.

И это была правда. Она была дома. И впервые за долгие месяцы она чувствовала себя в полной безопасности. Впереди был суд. Впереди была битва с Берсеневыми. Впереди была долгая работа по интеграции её двух жизней в одну. Но сейчас, в эту минуту, она просто пила горячий чай на своей кухне, слушала стук дождя по стеклу и знала, что всё будет хорошо.

Тихий лад начинался здесь. В этом сером, обычном мире. В этом доме, где каждому было тепло.

Имперская комиссия прибыла в Воронцово на рассвете, на следующий день, когда карета с Мариной и детьми должна была скрыться за горизонтом, инсценируя отъезд в дальний уезд.

Трое магов в серых плащах с серебряной вышивкой Канцелярии вышли из портала прямо на главной площади имения. Они не спрашивали разрешения. Они действовали по ордеру.

Михаил Иванович встретил их на крыльце. Один, в парадном мундире отставного генерала, с орденами за Южную кампанию, он выглядел воплощением спокойной, непоколебимой силы. Рядом стояли Иван и Алексей — наследники, принявшие на себя тяжесть момента. Настя, бледная, но с прямой спиной, держала в руках папку с документами: счета, медицинские карты, отчеты школы, где ни словом не упоминалась магия иного мира, лишь «народные методы лечения и особая чувствительность к травам».

Обыск длился два дня. Они сканировали каждый камень, каждый дюйм земли, каждую штольню рудника. Они искали следы межмирового разлома, аномальные биополя, следы целительства без лицензии.

Они не нашли ничего.

Алексей гениально замаскировал поляну с валуном и машиной, наложив на нее не просто иллюзию, а «слепой узел» — магическую аномалию, которая для сканирующих кристаллов комиссии выглядела как обычная зона выветривания породы и магнитного искажения. Биологические якоря, связывающие Марину и детей с этим миром, были запечатаны в стазис и спрятаны так глубоко в магическом фоне имения, что слились с самой землей.

Вечером второго дня старший инспектор, седой человек с проницательным взглядом, закрыл свой журнал и посмотрел на Михаила.

— Граф Воронцов, — его голос был сух, но в нем звучало неподдельное уважение. — Донос оказался ложным. Абсурдным. Никакой женщины из иного измерения, никаких детей-артефактов. Есть вдова поручика, которая уехала оформлять наследство, и вы, человек, который вытащил этот рудник из долговой ямы и обеспечивает Империи тонны «черного серебра» для магистральных узлов.

Инспектор шагнул ближе и понизил голос:

— Кто бы ни написал эту клевету, этот человек совершил тяжкое преступление против короны. Вы — отмеченный наградами генерал, маг, чья лояльность не подвергается сомнению. Стратегический объект, которым вы управляете, слишком важен, чтобы позволить интригам бросить на него тень. Канцелярия берет этот донос на контроль. Мы найдем автора, граф. И мы защитим ваше имя.

Когда портал за комиссией сомкнулся, Михаил тяжело оперся о перила крыльца. Иван молча положил руку ему на плечо. Алексей выдохнул так, словно до этого не дышал двое суток.

Разлука ударила не сразу. Первые недели дом жил в режиме идеального, отлаженного механизма. Иван проверял шахту, Алексей координировал отряд разведчиков и не вылезал из библиотеки, Настя вела занятия в реабилитационном флигеле, применяя те самые «образы», которые передала ей Виолетта. Михаил управлял имением, принимал поставщиков, вел дела.

Но по вечерам, когда дом затихал, тишина становилась оглушительной.

Михаил часто стоял у окна в своем кабинете, касаясь серебряного медальона, спрятанного под рубашкой. Внутри него была прядка темных волос Марины. Он не плакал — генералы не плачут, — но его сердце сжималось от тоски так сильно, что перехватывало дыхание. Он вспоминал, как она хмурилась над цифрами, как поправляла выбившуюся прядь, как тихо смеялась, когда Павел пускал водяные фонтаны.

Дети переносили это по-своему. Иван стал еще серьезнее, словно пытался стать для отца не просто сыном, а опорой. Настя по ночам шепотом рассказывала плюшевому зайцу истории про «тетю Наташу» и «дядю Игоря», которых ей описывала Марина, боясь забыть их имена. Алексей почти не спал. Его комната превратилась в лабораторию. На стенах висели схемы магических потоков, лунных фаз и электромагнитных полей.

Но они не были одиноки в своей утрате.

Имение и деревни жили своей, новой жизнью, и в этой жизни Марина оставалась не просто «уехавшей вдовой». Люди чувствовали. Может, они не понимали всей магии межмировых переходов, но они знали: эта женщина дала будущее их детям, дала им школу, научила считать деньги, чтобы их не обманывали скупщики.

Староста Заречья, дед Фрол, лично встал у въезда на тракт, когда по имению поползли слухи о «проверке из столицы».

— Никого не пущу, пока граф не велит, — рявкнул он на подозрительного торговца, который слишком долго рассматривал усадьбу.

Отряд мальчишек-разведчиков, созданный Алексеем, работал безупречно. Каждый новый человек в деревне, каждая подозрительная повозка, каждый незнакомец, расспрашивающий о «женщине с двумя детьми», мгновенно фиксировались и докладывались Ивану.

Однажды вечером к крыльцу подошла Аксинья — та самая крестьянка, чьего ребенка когда-то спасла Марина. Она принесла корзину с поздними яблоками и лекарственными травами.

— Для Настеньки, — тихо сказала она, передавая корзину Игнату Никифоровичу. — И для вашего сиятельства. Вы скажите графу... мы помним. Мы знаем, что она не просто так уехала. Мы ее не выдадим. И вас не выдадим. Мы — ваши глаза и уши.

Люди Воронцово выстроили невидимый, но непробиваемый щит вокруг семьи. Они охраняли тайну не из страха, а из любви и благодарности.

Прорыв случился на сороковой день.

Алексей ворвался в кабинет Михаила, где тот сверял годовые отчеты. В руках у двенадцатилетнего мага дрожал лист пергамента, исписанный формулами, а в другой руке он сжимал маленький, запечатанный в янтарный стазис-кристалл локон волос Марины.

— Отец, — голос Алексея срывался. — Я нашел частоту.

Михаил отложил перо.

— Объясняй.

— Трещина — это не просто дыра. Это шов между тканями реальности, — Алексей заговорил быстро, боясь упустить мысль. — Магическое поле нашего мира и электромагнитное поле ее мира... они резонируют, если найти правильный мост. Биологический якорь — волосы, кровь, кожа — это камертон. Если я настрою стазис-кристалл на вибрацию якоря и наложу на него заклинание слуха, усиленное через магический узел... мы сможем пробить тонкий канал. Не для прохода. Для звука. Для света.

В ту же ночь они спустились в подвал башни, где магический фон имения был самым стабильным. Иван принес тяжелый медный диск с вырезанными рунами, Настя — зажженные свечи.

Алексей положил кристалл в центр диска. Закрыл глаза. Его магия, холодная, аналитическая и невероятно точная, потекла в камень. Воздух в подвале начал дрожать. Появился низкий, вибрирующий гул, от которого заныли зубы.

— Дай мне руку, отец, — прошептал Алексей. — Твоя магия огня нужна для стабилизации канала. Не чтобы жечь. Чтобы греть. Чтобы создать теплое русло.

Михаил положил ладонь на плечо сына. Тонкий, ровный жар потек в кристалл. Янтарь вспыхнул мягким, голубоватым светом. Гул сменился тихим шипением, похожим на шум далекого моря.

Алексей достал из кармана тонкую пластину из «черного серебра» — заготовку, которую он сделал по описаниям Марины, пытаясь воспроизвести принцип ее «смартфона». Он коснулся пластиной кристалла.

— Марина, — тихо, но четко сказал Михаил, вкладывая в слово всю свою тоску, всю свою волю, все свое ожидание. — Если ты слышишь... дай знак.

Тишина. Только шипение.

Михаил закрыл глаза, чувствуя, как внутри поднимается тяжелая волна отчаяния. Может, частота неверна. Может, она слишком далеко. Может...

И тут пластина в руках Алексея мигнула.

Слабый, ровный, не магический, а совершенно чужой, электрический свет залил темный подвал. На гладкой поверхности загорелись символы. Не руны. Буквы.

«М. Я здесь. Мы дома. Мама плачет. Виолетта говорит, что чувствует тепло.»

Михаил рухнул на колени перед диском. Отставной генерал, маг, украшенный орденами Империи, человек, который не дрогнул под стеной огня в Южной кампании, закрыл лицо руками и замер. Беззвучно, тяжело, со срывающимся дыханием.

Иван подошел, обнял отца за плечи. Настя прижалась к его спине, слезы текли по ее щекам. Алексей, бледный, но с горящими глазами, продолжал удерживать канал.

Михаил поднял голову, вытер лицо рукавом и наклонился к пластине.

— Мы слышим вас, — сказал он твердо, хотя голос его дрожал. — Мы ждем. Мы любим. Держитесь там.

С той ночи подвал башни стал сердцем имения.

Алексей и Михаил день за днем совершенствовали «мост». Они поняли, что канал открывается не постоянно, а циклично, подчиняясь лунным фазам и магнитным бурям обоих миров. Но этого было достаточно.

Сначала это были только текстовые сообщения. Короткие, сухие отчеты о том, что все живы, здоровы, что суды идут по плану, что Наташа держит оборону. Потом, когда Алексей настроил передачу вибраций, они смогли слышать голоса. Рваные, прерывающиеся, как сквозь толщу воды, но живые. Смех Павла, который теперь уверенно бегал по московской квартире. Еще слегка растянутые, бережные слова Виолетты: «Я слышу, как у вас там горит камин...»

А затем пришло осознание: через этот же резонансный канал, в моменты пикового схождения фаз, можно проталкивать материю. Не живую. Не людей. Но предметы.

Так началась тихая, невидимая для посторонних глаз жизнь, которая связала два мира в одно целое.

Марина, сидя на своей кухне в Москве, больше не чувствовала себя оторванной от дома. Она открыла ноутбук и начала составлять таблицы. Это была не просто переписка. Это была логистика новой жизни.

Она знала, что Михаил не может просто так достать эти вещи в своем мире. Там нет аптек в привычном понимании, нет супермаркетов, нет семян селекции, устойчивой к их суровым зимам. Но у нее здесь, в ее мире, есть всё. И у нее есть деньги, которые она заработала своим умом. И есть Наташа, которая помогает с закупками. И есть трещина, которая по воле их общего желания и магии Алексея перестала быть шрамом на теле пространства. Она стала дверью.

Когда наступил день убывающей луны, Михаил спустился в подвал. Он положил на алтарь пустой холщовый мешок. Алексей активировал кристалл. Воздух дрогнул, пахнуло озоном и... запахом московского смока, который каким-то непостижимым образом пробился сквозь миры.

Мешок потяжелел.

Михаил развязал его. Внутри лежали банки с лекарствами, пакеты с семенами, тяжелые пачки ароматного кофе и стопка писем, написанных мелким, аккуратным почерком Марины. И маленькая, сухая веточка сирени, которую она сорвала в московском дворе, несмотря на ноябрьский холод.

Михаил поднес веточку к лицу, зажмурился и тихо сказал в пустоту:

— Спасибо, моя светлая.

Он не знал, что в этот самый момент, за тысячи километров и сквозь слои реальности, Марина прижимает ладонь к экрану смартфона, чувствуя, как от него исходит едва уловимое, но такое родное тепло.

Они больше не были разделены. Они были связаны. И это была не магия крови и не долг. Это был ежедневный, бережный, тихий выбор быть вместе.

Глава 2. Баланс сходится

Звук тяжелой печати, шлепнувшей по плотной бумаге, прозвучал в кабинете Ирины Петровны не как выстрел. Скорее, как щелчок замка, который наконец-то закрылся за спиной.

— Постановление вступает в силу с сегодняшнего дня, Марина, — голос юриста был сухим, профессиональным, но в уголках её глаз, скрытых за строгими стеклами очков, читалось что-то теплое. — Вы больше не жена Артура Берсенева. Опекунство над Виолеттой и Павлом закреплено за вами без права обжалования. Алименты, как мы и договаривались, будут списываться напрямую с трастового фонда Нины Сергеевны.

Марина смотрела на подпись под документом. Ровные, чуть наклоненные вправо буквы. Её имя. Её свобода.

— А как они? — тихо спросила она, не поднимая глаз.

Ирина Петровна сняла очки и протерла их мягкой салфеткой.

— Артур в закрытой клинике под Москвой. Психиатрическое освидетельствование после его последнего… эпизода в зале суда подтвердило его неспособность адекватно оценивать реальность. Нина Сергеевна пыталась использовать это, чтобы оспорить ваше опекунство, заявив, что вы «довели его до нервного срыва». Но мы предоставили суду аудиозаписи, медицинские карты Виолетты и результаты финансового аудита.

Марина подняла взгляд.

— Аудита?

— Того самого, который вы заложили через свои ИП, и тот файл с компроматом, а мы развили его во вашего время отсутствия, — Ирина Петровна позволила себе редкую, почти незаметную улыбку. — Вы не просто ушли, Марина. Вы оставили им финансовую мину замедленного действия. Когда Нина Сергеевна попыталась консолидировать активы «Инвест-Транса», чтобы оплатить адвокатов, она обнаружила дыру в логистических цепочках. Внутренний совет директоров поднял бунт. Её отстранили от операционного управления. Илья Берсенев, ваш бывший деверь-дипломат, лично возглавил кризисный штаб, чтобы спасти репутацию семьи. Им сейчас не до вас. Им нужно спасать себя.

Марина выдохнула. Воздух в кабинете казался на удивление легким.

Пять лет. Пять лет она была тенью, функцией, удобной оболочкой для чужих амбиций. Пять лет она выживала, планировала, пряталась, бежала. А потом был другой мир. Магия, туман, каменные стены Воронцово, тяжелая ладонь Михаила, смех Насти, осторожные, но такие живые попытки быть братьями Ивана и Алексея. И ее дети Виолетта и Павел, как одна семья где всем тепло и каждый счастлив.

И вот теперь, сидя в московском кабинете с запахом старого кофе и бумаги, она чувствовала, как последний осколок той клетки, который держал ее здесь, рассыпается в прах. Не было эйфории. Не было слез. Был только тихий, кристально ясный покой. Экономист внутри неё удовлетворенно закрыл гроссбух. Баланс сходился. Долг был выплачен.

— Спасибо, Ирина Петровна, — Марина встала, пряча копию постановления в кожаную папку. — За всё.

— Не благодарите, — юрист вернула очки на место. — Вы сами сделали эту работу. Я лишь помогла вам перевести её на язык закона. Идите. У вас впереди открытие центра. Виолетта уже там, она ждет маму.

Вновь открытый Московский Центр «Точка Равновесия» располагался на первом этаже бывшего дома быта в тихом переулке. Марина выбрала это место лично: высокие окна, выходящие во внутренний двор, отсутствие порогов, мягкий, рассеянный свет и отличная акустика, которая не создавала эха, пугающего детей с сенсорными нарушениями.

Когда она вошла, в холле пахло свежей краской, хвоей и чем-то сладким. Матрена из Воронцово прислала бы посылку с сушеными яблоками, если бы это было возможно. Но здесь, на Земле, пахло кофе, который сварил Игорь.

Брат стоял у стойки администратора, наблюдал за порядком. Он выглядел иначе, чем год назад. Исчезла та порывистая, настороженная готовность броситься в драку, которая жила в его плечах. Теперь он был похож на человека, который знает: периметр чист, тыл прикрыт, можно просто жить.

— Приняла? — спросил он, не поднимая головы.

— Приняла, — Марина положила папку на стол. — Берсеневых больше нет в нашем уравнении, Игорёк. Мы чисты.

Игорь выпрямился, улыбнулся и посмотрел на сестру. В его глазах мелькнуло что-то не очень теплое, но он не стал устраивать сцен. Он просто кивнул.

— Значит, можно вешать вывеску.

Вывеска была простой, без пафоса: «Точка Равновесия. Центр сенсорной интеграции и поддержки семей».

Из кабинета сенсорной разгрузки вышла Виолетта. Она была одета в мягкий комбинезон из темно-синего вельвета, в руках сжимала свою любимую деревянную птицу. Девочка остановилась, увидев мать, и её лицо расслабилось. Она не побежала, не закричала. Она просто подошла, положила ладонь Марине на запястье и закрыла глаза.

В сознании матери вспыхнул образ: просторная комната, мягкие кубики, запах мандаринов, ощущение безопасности, которое было таким густым, что его можно было потрогать руками.

— Тебе нравится здесь, солнышко? — тихо спросила Марина, гладя её по макушке.

Виолетта открыла глаза, посмотрела на вывеску за стеклом входной двери, затем на мать. Её пальцы сложились в короткий, четкий жест: Место. Дом.

— Да, — кивнула Марина, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Это как наш дом. Не временный. Настоящий.

Воронцово встречало зиму не так, как Москва. Здесь снег не падал грязной, тающей крупой, а ложился тяжелым, хрустящим, идеально белым покровом, который скрипел под ногами и звенел от мороза. Воздух был настолько чистым и холодным, что перехватывало дыхание, а в небе, лишенном столичного смога, млечный путь казался не россыпью пыли, а настоящей серебряной рекой, которую можно было зачерпнуть ладонью.

Но внутри усадьбы, в высоких комнатах с потрескавшейся лепниной и тяжелыми дубовыми панелями, царила тишина. Не та целительная, мягкая тишина, которую Марина научила их слышать, а звенящая, ватная, давящая на виски пустота.

Михаил Иванович стоял у окна своего кабинета. В руке он сжимал холодный, гладкий предмет — смартфон, который теперь стал его главным окном в иную реальность. Экран был черным. Связь работала только в моменты резонанса, когда лунные фазы и магические потоки двух миров сходились в одной точке, позволяя кристаллу Алексея и электронике Наташи обменяться короткими, рваными импульсами.

Граф устало провел рукой по лицу. Ему было тридцать семь лет, но в отражении темного стекла он видел старика. Война, раны, предательства, годы холодной войны с собственной тенью — всё это он вынес. Но он не знал, как бороться с этой новой, тихой болью, которая поселилась в груди и не давала спать по ночам.

Из коридора донесся звук, от которого у Михаила сжалось сердце. Это был кашель. Глубокий, надрывный, с хриплой, свистящей нотой на выдохе.

Настя.

Михаил закрыл глаза, опираясь лбом на холодное стекло. Почему? Этот вопрос он задавал себе каждый день уже третий месяц.

Когда Марина впервые приложила ладони к спине девочки в тот страшный день, она совершила настоящее чудо. Михаил видел, как из-под её пальцев ушел темный, гнилостный туман — болезнь, которая точила ребенка изнутри. Марина тогда забрала воспаление, «вытянула» его, запечатала магическим узлом и отдала Насте свое тепло. Девочка выздоровела. Она начала смеяться, бегать, её щеки покрылись здоровым румянцем.

Но магия, даже такая мощная, как у Марины, не всесильна. Она могла убрать следствие, но не могла изменить природу сосуда.

Легкие Насти были слабыми от рождения. Екатерина, вынашивая дочь, жила в холодном, сыром крыле усадьбы, питалась скудно чтобы не испортить фигуру, и дышала сыростью старых камней и плесени. Тело девочки сформировалось в условиях хронического дефицита тепла и кислорода. А когда Марина ушла, забрав с собой тот самый «живой узел», который поддерживал тонус тканей, старая слабость вернулась.

К этому добавилась осень. В Воронцово хоть и топились печи в восточном крыле, но проветривания не было, потому что слуги боялись лишний раз шуметь и тревожить графа, который часами сидел в кабинете. Сырость пробралась в стены. И Настя, чья ментальная эмпатия обострилась до предела после общения с Виолеттой, начала «зеркалить» не только эмоции отца, но и саму усадьбу. Она чувствовала холод старого дома, его боль, его заброшенность, и это откликалось в её собственной груди.

Дверь кабинета тихо скрипнула. На пороге стоял Иван. Четырнадцать лет, широкие плечи, лицо, которое он старался держать бесстрастным, копируя отцовскую маску.

— Отец, — тихо произнес он. — Насте снова плохо. Давай отправим гонца в Черёмушки. Пётр Фёдорович обещал прибыть по приглашению.

Михаил кивнул, отрываясь от окна.

— Хорошо. Спасибо, сын.

Пётр Фёдорович Воронцов прибыл на закате. Высокий, худой мужчина лет сорока пяти, с лицом, изрезанным морщинами, с седыми волосами, собранными в хвост, с руками, которые пахли травами и мазями. Он был братом Елизаветы Ларионовой, матери Алексея, той самой женщины, которая умерла при родах двенадцать лет назад.

Михаил встретил его на крыльце. Они поклонились друг другу — не как граф и лекарь, а как два человека, которые знали друг о друге больше, чем говорят вслух. Михаил знал, что Пётр Фёдорович — брат женщины, которую он любил. Пётр Фёдорович знал, что Михаил — человек, из-за которого его сестра умерла.

Но они не говорили об этом. Не сейчас.

— Благодарю, что приехали, — сказал граф.

— Вы написали о вашем ребёнке, — Пётр Фёдорович кивнул. — Анастасия сестра Алексея, я не мог не приехать.

Он вошел в дом, сбросил дорожный плащ. В руках у него была тяжелая кожаная сумка, набитая травами, склянками, инструментами.

— Где больная?

— На втором этаже. В своих покоях. Там ей теплее.

Пётр Фёдорович кивнул. Поднялся по лестнице быстро, уверенно, как человек, который привык действовать без лишних слов.

Настя лежала в глубоком кресле, укутанная в три шерстяных пледа. Её лицо было неестественно бледным, а на щеках горел лихорадочный румянец. Рядом, на столе, стоял флакон с сиропом, который Михаил привез из столицы, но он не помогал.

Пётр Фёдорович подошел к девочке. Опустился на корточки — чтобы быть с ней на одном уровне. Положил руку ей на лоб — осторожно, бережно.

— Как тебя зовут, милая? — спросил он тихо.

Настя открыла глаза. Посмотрела на него — испуганно, настороженно.

— На-ста-ся, — прошептала она.

— Анастасия, — поправил он мягко. — Очень приятно. Меня зовут Пётр Фёдорович. Я лекарь. Можно я тебя посмотрю?

Она кивнула — едва заметно.

Он достал из сумки стетоскоп — не магический, обычный, деревянный, с мембраной из бычьего пузыря. Приложил к её груди. Слушал. Долго. Минуты три.

Потом — попросил открыть рот. Посмотрел горло. Пощупал лимфоузлы на шее. Измерил жар — приложив тыльную сторону ладони к щеке.

Встал. Отошёл к окну. Посмотрел на Михаила, который стоял в дверях.

— Бронхит, — сказал он тихо. — Острый, с элементами застоя. Я вижу остатки магического узла, который рассосался. Ткани не выдержали. У девочки врожденная слабость легочной артерии, Михаил. Магия магического узла была как костыль. Она держала её, пока маг который его поставил был рядом. Но как только внешний источник ушел, тело вспомнило свою природу.

— Я могу дать ей свою энергию, — глухо сказал Михаил. — Огня. Прогреть.

— Ты сожжешь её изнутри, как неопытный кузнец, который пытается закалить стекло, — резко оборвал Пётр Фёдорович. — Твой огонь груб. Он для стали и крови. Ей нужна влага, тепло и… — лекарь махнул рукой в сторону стола, где лежала стопка странных, гладких книг в цветных обложках. —Алексей рассказал про то, что она прислала Марина Сергеевна. Я хотел бы изучить и вылечить Анастасию.

Михаил посмотрел на книги. Это была посылка, которая прошла через трещину два дня назад. Марина, поняв, что не сможет вернуться, начала отправлять то, что считала жизненно необходимым.

— Алексей, — Михаил обратился к своему сыну.

Молодой Алексей, двенадцати лет, стоял в углу комнаты. Он был худым, угловатым, с вечно растрепанными волосами и странным, отсутствующим взглядом, которым смотрят люди, постоянно ведущие внутренние диалоги с невидимыми препятствиями. В руках он сжимал толстую книгу в глянцевой обложке. На ней было написано: «Педиатрия. Справочник врача».

— Мы готовы, дядя Пётр, — тихо сказал мальчик.

Пётр Фёдорович посмотрел на него — долго, внимательно. В его глазах мелькнуло что-то странное — узнавание, смешанное с растерянностью. Потом — теплота. Та самая, которую Алексей почувствовал в Черёмушках, когда дядя обнял его впервые.

— Алексей, — тихо сказал он. — Ты вырос.

— Да, дядя Пётр, — Алексей кивнул. — Я учусь. У отца. У Марины Сергеевны.

Пётр Фёдорович положил руку ему на плечо — легко, бережно.

— Я вижу. Ты похож на неё. На Лизу. На мою сестру.

Алексей опустил взгляд. Но Михаил видел — в его глазах блеснули слёзы.

Вечером Пётр Фёдорович сидел в кабинете Михаила. Перед ними — две чашки с чаем. Лекарь рассказывал о том, что он сделал за день. О травах, которые он привез. О микстурах, которые он приготовил. О том, что Насте станет лучше через неделю, если соблюдать режим.

— А что с узлом? — спросил Михаил. — С тем, что оставила Марина?

— Он не вернется, — Пётр Фёдорович покачал головой. — Магия — это не лекарство, которое можно принимать постоянно. Это — импульс. Толчок. Марина дала Насте шанс. Но теперь тело должно само учиться держаться. Ей нужно тепло. Покой. И… — он помедлил. — Ей нужно, чтобы душа не мёрзла. У детей тело и душа — одно. Если душа мёрзнет — тело тоже.

— Что ты имеешь в виду?

— Она тоскует, граф, — Пётр Фёдорович посмотрел ему в глаза. — Она тоскует по той женщине. По той, которая уехала. По Марине Сергеевне.

Михаил молчал. Смотрел в чашку.

— Я не знаю, где она, — сказал он наконец. — Я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что… это опасно. Для неё. Для детей. Для всех.

Пётр Фёдорович вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Не будешь — не надо. Но знай: Настя тоскует. И если она будет тосковать — она не выкарабкается. Травы помогут. Микстуры помогут. Но если душа мёрзнет — тело не выдержит.

Михаил кивнул.

— Я понимаю, — сказал он. — Я… я попробую.

— Попробуй, — Пётр Фёдорович кивнул. — А теперь — про Алексея.

— Что про него?

— Он… он странный, граф, — Пётр Фёдорович покачал головой. — Он не говорит, что делает. Не говорит, зачем ему эти… кристаллы. Он говорит — «опасно». Но что опасно? Для кого?

— Я не знаю, — Михаил пожал плечами. — Но я верю ему.

— Почему?

— Потому что… он изменился. С тех пор, как приехала Марина Сергеевна. Он стал… живым. Он нашёл что-то. Что-то, что его держит.

— Но что?

— Не знаю. Но я верю ему.

Пётр Фёдорович помолчал. Потом сказал:

— Ладно. Я останусь. На неделю. Может, дольше. Насте нужно лечение. Алексею — присмотр. И… я хочу понять, что происходит в этом доме.

— Оставайся, — Михаил кивнул. — Сколько нужно.

На следующее утро за завтраком Пётр Фёдорович сидел за общим столом — рядом с Михаилом. Иван, Алексей, Настя — все смотрели на него с уважением.

— Доброе утро, дядя Пётр, — тихо сказала Настя. Её голос был хрипловатым, но уже не сдавленным.

— Доброе, Настенька, — он улыбнулся. — Как ты сегодня?

— Лучше, — она кивнула. — Кашель тише.

— Это хорошо. Продолжаем лечение.

Иван посмотрел на него — с теплом, с благодарностью.

— Спасибо, дядя Пётр, — сказал он. — За то, что приехали.

— Не за что, Иван, — Пётр Фёдорович кивнул. — Вы — семья Алексея. А значит — и моя семья тоже.

Алексей поднял на него взгляд. В его глазах было что-то странное — удивление, смешанное с благодарностью.

— Дядя Пётр, — тихо сказал он. — Спасибо.

— Не за что, племянник, — лекарь положил руку ему на плечо. — Я здесь. Ради тебя. Ради них. Ради всех вас.

И в этот момент Михаил понял. Пётр Фёдорович не просто лечил Настю. Он — принял их. Всех. Как свою семью. Потому что Алексей — его племянник. А значит — Иван, Настя, даже Михаил — они все стали ему родными.

И дети это почувствовали. Поэтому они и звали его «дядя». Не потому что он был им дядей по крови. А потому что он стал им дядей по душе.

Вечер опустился на усадьбу, и дом погрузился в ту особую, ночную тишину, когда слышно, как потрескивают поленья в камине, и как ветер шуршит инеем на ветвях деревьев в саду.

В библиотеке, в дальнем углу, где стоял большой камин и мягкие кожаные кресла, собрались трое. Иван, Алексей и Настя.

Настя чувствовала себя лучше после сиропа и тепла, но слабость всё ещё держала её. Она сидела, поджав ноги, и смотрела на огонь. Её дар эмпата, который расцвел после общения с Виолеттой, теперь работал как проклятие. Она чувствовала всё.

Она чувствовала, как Иван внутри себя сжимается от вины и ответственности. Он был старшим. Он был наследником. Он считал, что если бы он был лучше, сильнее, умнее, отец бы не так тяжело переживал разлуку. Иван брал на себя управление имением, шахтой, переговорами с земством. Он спал по четыре часа в сутки, но в глазах у него был страх — страх не справиться, страх подвести отца, страх, что Настя снова заболеет.

Она чувствовала Алексея. Его разум был похож на перегретый котел. Он жил в мире цифр, магических констант и физических формул. Он тосковал не так, как другие. Он тосковал по смыслу. Виолетта была его ученицей, его другом, его зеркалом. Она говорила с ним без слов, она понимала его магию воздуха лучше, чем он сам. А Павел… Павел был для Алексея живым доказательством того, что магия может быть чистой, не отягощенной долгом и кровью. Алексей чувствовал вину за то, что не может «решить задачу» по их возвращению.

Но больше всего Настя чувствовала отца.

Михаил Иванович сидел в своем кабинете этажом ниже. Его аура, обычно мощная, плотная, как стальная броня, сейчас была похожа на осколки битого стекла. Он пытался держаться. Он подписывал бумаги, он отдавал приказы, он был графом Воронцовым. Но когда он думал о Марине, о том, как она хмурилась над цифрами, о том, как она пахла кофе и ванилью, о том, как он не успел сказать ей главное, что он любит её, не как союзницу, а как женщину, его сердце давало трещину. Он боялся, что трещина в пространстве закроется навсегда. Что он останется в этом холодном, каменном мешке один, и только письма раз в неделю будут напоминать ему, что он еще жив.

— Он не спит, — тихо сказала Настя, не отрывая взгляда от огня.

Иван, который листал какой-то отчет, замер.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую его, — девочка прижала ладонь к груди. — Он… он как камень, который падает на дно. Он думает, что мы не видим. Но мы видим.

Алексей снял со стола начерченную от руки схему резонансного узла и аккуратно свернул её.

— Мы не можем позволить ему сломаться, — сказал он. Голос его был ровным, но в нем звенела сталь. — Если он сломается, имение рухнет. Шахта встанет. Земство может отобрать земли. И тогда мы не сможем даже отправлять ей письма. Мы потеряем этот дом. А она… она там, в своем мире, борется с какими-то Берсеневыми, с судами. Ей нужна наша сила. Ей нужно знать, что мы держим фронт.

Иван медленно закрыл отчет. Он посмотрел на младшего брата, потом на сестру. В его глазах, обычно таких холодных и расчетливых, мелькнула та самая теплота, которую Марина в них разбудила.

— Мы договоримся, — сказал Иван. — Мы не будем показывать ему, как нам тошно. Мы не будем плакать при нем. Мы будем приходить к нему с отчетами, с успехами, с новостями. Мы дадим ему опору.

— А что мне делать? — тихо спросила Настя. — Я не умею считать шахту. Я не умею чертить узлы.

Иван встал, подошел к сестре и опустился на корточки, чтобы смотреть ей в глаза. Он осторожно поправил выбившуюся прядь её волос.

— Ты — сердце этого дома, Настя, — сказал он. — Когда отец будет сидеть в кабинете и смотреть в стену, ты придешь к нему. Ты принесешь ему чай. Ты сядешь рядом и просто

будешь. Твое тепло… оно лечит его лучше любых зелий дяди Петра. Ты даешь ему право дышать.

Настя кивнула, и крупная слеза скатилась по её щеке.

— А когда я буду одна? Когда я буду думать о Марине Сергеевне? О Виолетте? О том, как Павел смеялся, когда пускал водяные фонтаны?

Алексей подошел к ним. Он достал из кармана маленький, гладкий камешек, который Марина подарила ему перед уходом.

— Тогда ты будешь думать о работе, — твердо сказал он. — Я буду учить тебя читать цифры. Иван будет учить тебя считать. Мы будем делать всё, что делала она. Мы станем её тенью здесь. Мы продолжим школу, которую она начала. Мы разовьем мастерскую. Мы будем жить так, чтобы, когда она посмотрит в кристалл, она увидела не руины, а крепость. Крепость, которую мы держим для неё.

В комнате повисла тишина. Только треск дров в камине нарушал её.

Трое детей. Сломанных, испуганных, тоскующих до физической боли. Но в этот момент, в этом полутемном углу старой библиотеки, они заключили негласный пакт. Они выросли. Не по годам, а по духу. Они поняли то, что взрослые часто забывают: любовь — это не только объятия и слова. Иногда любовь — это способность проглотить свою боль, чтобы стать стеной для того, кого ты любишь.

Иван протянул руку. Алексей положил свою сверху. Настя — последней, маленькой, дрожащей ладонью.

— Мы держим, — тихо сказал Иван.

— Держим, — повторил Алексей.

— Держим, — прошептала Настя.

На следующее утро Михаил Иванович спустился в столовую, ожидая увидеть привычную картину: Ивана, хмуро листающего бумаги, Алексея, уткнувшегося в свою схему, и Настю, которая сидит у окна, кутаясь в шаль.

Но стол был накрыт.

На нем стоял дымящийся самовар, свежие булочки, которые Матрена пекла только по праздникам, и аккуратно разложенные ведомости.

Иван стоял у камина. Он был одет в строгий сюртук, волосы идеально приглажены. Он держал в руках папку.

— Доброе утро, отец, — сказал он. Голос его был ровным, уверенным.

— Доброе, — Михаил нахмурился, чувствуя, что что-то не так. Дети в последнее время не собирались все вместе без повода.

Алексей вышел из библиотеки. На носу у него красовались странные, тонкие металлические оправы с круглыми стеклами, которые вчера вечером принес дядя Петр из своей коллекции. Линзы были подобраны идеально. Мальчик моргнул, и впервые за месяц его взгляд стал четким, острым, лишенным той болезненной расфокусированности.

— Доброе утро, отец, — сказал Алексей. — Я закончил расчеты по восточной штольне. Мы можем увеличить добычу на двенадцать процентов, если перенаправим поток воды из старого русла. Вот чертеж.

Он положил на стол идеально вычерченный план. Михаил взял его. Линии были ровные, цифры сходились. Это была работа не двенадцатилетнего мальчика, а опытного инженера.

— Ты… ты выспался? — осторожно спросил Михаил, глядя на сына.

— Я спал шесть часов, — честно ответил Алексей. — И я надел очки. Марина Сергеевна прислала в письме инструкцию, как их носить. Теперь я вижу узлы. Я вижу частоту. Мы сможем передавать не только тексты. Мы сможем передавать голос. Через неделю.

Михаил замер. Голос. Он сможет услышать её голос. Не просто прочитать сухие строчки, напечатанные одним пальцем, а услышать, как она дышит, как она говорит. Горло графа сжалось так, что стало больно.

— Это… это отличная новость, Алексей, — выдавил он.

В этот момент в столовую вошла Настя. Она не куталась в шаль. На ней было красивое, чистое платье, которое она сама отгладила. В руках она несла поднос с чаем и вареньем. Она не кашляет. Её щеки горели не от лихорадки, а от решимости.

— Доброе утро, папа, — сказала она. Её голос был хрипловатым, но твердым. — Я принесла тебе чай. С мятой. Дядя Петр сказал, что он успокаивает нервы и помогает думать.

Она поставила поднос перед отцом и села напротив. Она посмотрела на него прямо, и в её глазах Михаил увидел не испуганную, больную девочку, а маленькую женщину, которая держит на своих хрупких плечах небо.

— Спасибо, Настя, — тихо сказал он, беря чашку.

— Иван сказал, что ты вчера до поздней ночи работал с долгами кузницы, — продолжила она, глядя ему прямо в глаза. — Ты не должен делать это один. Я могу переписывать счета. У меня почерк мелкий, я экономлю бумагу. И я умею считать до тысячи.

Михаил посмотрел на Ивана. Тот едва заметно кивнул.

— Мы здесь, отец, — сказал Иван, подходя к столу и кладя руку на плечо отца. — Мы не дети. Мы — Воронцовы. И мы — её семья. Она там, в своем мире, строит свой щит. А мы строим свой. Здесь.

Михаил смотрел на своих детей. На Ивана, который взял на себя тяжесть земли. На Алексея, который пытался взломать саму ткань мироздания, чтобы вернуть им мать. На Настю, которая своим теплом не давала этому дому превратиться в ледяной склеп.

Он понял, что они всё знают. Они знают, как ему больно. Они знают, что он на краю. И они, вместо того чтобы требовать его утешения, пришли утешить его. Они стали его опорой.

Граф Воронцов, отставной генерал, боевой маг, человек, который не позволял себе слабость на поле боя, когда рядом гибли его солдаты, медленно опустил голову.

Это были не признаки слабости. Это было облегчение.

Иван подошел ближе и обнял его за плечи. Алексей встал с другой стороны, неловко, но крепко прижавшись к отцу боком. Настя подошла, встала на колени на стул и обняла его за шею, прижавшись щекой к его седой голове.

— Мы держим, папа, — прошептала Настя ему в ухо. — Мы держим.

Михаил поднял голову. Он вытер лицо рукавом сюртука, глубоко вдохнул и посмотрел на них. В его глазах больше не было пустоты. В них был огонь. Огонь человека, у которого есть, ради кого жить.

— Хорошо, — сказал он, и голос его прозвучал как удар стали о наковальню. — Иван, ты займешься кузницей. Алексей, ты начинаешь эксперимент с голосом. Настя, ты будешь моим секретарем. Мы работаем.

Он встал, допил чай и посмотрел в окно, на заснеженный сад, на лес, за которым пряталась трещина.

В ту же ночь, когда дом затих, Алексей спустился в подвал башни.

Это было его тайное место — маленькая комната с каменными стенами, где когда-то хранили вино, а теперь — где он работал над тем, что никто в доме не понимал. Кроме отца. И, может быть, дяди Петра, который уже начал что-то подозревать.

На столе лежали: медный диск с вырезанными рунами, янтарный стазис-кристалл с запечатанным внутри локоном волос Марины, схема резонансного узла, исписанная мелким почерком, и новые очки, которые Алексей снял и положил рядом.

Он сел, засветил магический светильник, открыл тетрадь.

«День 47 после ухода. Частота резонанса стабилизировалась на уровне 7,3 герц. Текстовый канал работает стабильно в моменты убывающей луны. Но для голосового канала нужна другая частота — выше, тоньше. Нужно найти способ пробить барьер между магическим полем Воронцово и электромагнитным полем её мира. Они не совпадают. Они бьются друг о друга. Когда я смотрю на узел перехода, я вижу не линии, а рябь. Миллионы мелких точек. Они жгут сетчатку.»

Он отложил перо, потер глаза. Даже в новых очках они болели. Дядя Петр сказал — спазм аккомодации. Перенапряжение зрительного нерва. Алексей пытался увидеть то, что существует в четырех измерениях одновременно.

Но он не мог остановиться.

Если он не найдет частоту — они не смогут передавать посылки. Они не смогут передавать лекарства. Настя может не выжить без этих книг. А Иван не сможет говорить с ней. Он должен.

Алексей снова взял перо.

«Гипотеза: если использовать биологический якорь — волосы, кровь — как камертон, и наложить на него заклинание слуха, усиленное через магический узел… можно пробить тонкий канал. Не для прохода. Для звука. Для света. Отец может дать свою магию огня — не чтобы жечь, а чтобы греть. Чтобы создать теплое русло для потока.»

Он перечитал написанное. Кивнул сам себе.

Завтра он поговорит с отцом. Предложит эксперимент.

Но сначала — нужно доработать схему.

Алексей снова склонился над тетрадью. Свеча горела ровно, отбрасывая на стены пляшущие тени. Где-то наверху, в своих комнатах, спали Иван и Настя. Где-то дальше, в кабинете, не спал отец. Где-то в другом мире, за тысячи километров и сквозь слои реальности, Марина пила кофе и смотрела в таблицу в ноутбуке.

Алексей не знал, что она сейчас делает. Но он знал одно: он найдет способ достучаться до неё. Через трещину. Через миры. Через всё.

Потому что он — Воронцов. И Воронцовы не сдаются.

На следующий день, после утренних занятий, Алексей нашел отца в кабинете.

Михаил Иванович сидел за столом, сверял годовые отчеты. Услышав стук, поднял голову.

— Алексей. Что случилось?

Мальчик вошел, закрыл за собой дверь. Положил на стол тетрадь со схемой.

— Отец. Я нашел способ.

Михаил отложил перо.

— Объясняй.

— Трещина — это не просто дыра. Это шов между тканями реальности, — Алексей заговорил быстро, боясь упустить мысль. — Магическое поле нашего мира и электромагнитное поле ее мира… они резонируют, если найти правильный мост. Биологический якорь — волосы, кровь, кожа — это камертон. Если я настрою стазис-кристалл на вибрацию якоря и наложу на него заклинание слуха, усиленное через магический узел… мы сможем пробить тонкий канал. Не для прохода. Для звука. Для света.

Михаил слушал внимательно. Он не понимал всех слов — «электромагнитное поле», «резонанс», «камертон» — но он понимал главное: его сын нашел путь.

— Что тебе нужно? — тихо спросил он.

— Твоя магия, — Алексей посмотрел отцу в глаза. — Огня. Не чтобы жечь. Чтобы греть. Чтобы создать теплое русло для потока. Я буду направлять. Ты — поддерживать. Вместе мы сможем удержать канал дольше. И — передать голос. Хотя бы на минуту.

Михаил молчал. Смотрел на сына — на его худое лицо, на красные глаза за новыми очками, на решимость, которая горела в нем ярче, чем любая магия.

— Ты уверен? — спросил он.

— На семьдесят процентов, — честно ответил Алексей. — Но я хочу попробовать. Сегодня ночью. В подвале башни. Там магический фон самый стабильный.

Михаил кивнул медленно.

— Хорошо. Приду.

Он помедлил. Потом добавил:

— Алексей. Спасибо.

Мальчик удивленно поднял глаза.

— За что?

— За то, что не сдаешься. За то, что ищешь. За то, что… ты — мой сын.

Алексей опустил взгляд. Но Михаил видел — в его глазах блеснули слёзы.

— Я постараюсь, отец.

— Я знаю, — Михаил положил руку ему на плечо. — Я знаю.

В ту же ночь они спустились в подвал башни.

Иван принес тяжелый медный диск с вырезанными рунами. Настя — зажженные свечи. Михаил — свою магию.

Алексей положил кристалл в центр диска. Закрыл глаза. Его магия, холодная, аналитическая и невероятно точная, потекла в камень. Воздух в подвале начал дрожать. Появился низкий, вибрирующий гул, от которого заныли зубы.

— Дай мне руку, отец, — прошептал Алексей. — Твоя магия огня нужна для стабилизации канала. Не чтобы жечь. Чтобы греть. Чтобы создать теплое русло.

Михаил положил ладонь на плечо сына. Тонкий, ровный жар потек в кристалл. Янтарь вспыхнул мягким, голубоватым светом. Гул сменился тихим шипением, похожим на шум далекого моря.

Алексей достал из кармана тонкую пластину из «черного серебра» — заготовку, которую он сделал по описаниям Марины, пытаясь воспроизвести принцип ее «смартфона». Он коснулся пластиной кристалла.

— Марина, — тихо, но четко сказал Михаил, вкладывая в слово всю свою тоску, всю свою волю, все свое ожидание. — Если ты слышишь… дай знак.

Тишина. Только шипение.

Михаил закрыл глаза, чувствуя, как внутри поднимается тяжелая волна отчаяния. Может, частота неверна. Может, она слишком далеко. Может…

И тут пластина в руках Алексея мигнула.

Слабый, ровный, не магический, а совершенно чужой, электрический свет залил темный подвал. На гладкой поверхности загорелись символы. Не руны. Буквы.

«М. Я здесь. Мы дома. Виолетта говорит, что чувствует тепло.»

Михаил рухнул на колени перед диском. Отставной генерал, маг, украшенный орденами Империи, человек, который не дрогнул под градом огня в Южной кампании, закрыл лицо руками и заплакал. Беззвучно, тяжело, срывающимся дыханием.

Иван подошел, обнял отца за плечи. Настя прижалась к его спине, слезы текли по ее щекам. Алексей, бледный, но с горящими глазами, продолжал удерживать канал.

Михаил поднял голову, вытер лицо рукавом и наклонился к пластине.

— Мы слышим вас, — сказал он твердо, хотя голос его дрожал. — Мы ждем. Мы любим. Держитесь там.

С той ночи подвал башни стал сердцем имения.

Алексей и Михаил день за днем совершенствовали «мост». Они поняли, что канал открывается не постоянно, а циклично, подчиняясь лунным фазам и магнитным бурям обоих миров. Но этого было достаточно.

Сначала это были только текстовые сообщения. Короткие, сухие отчеты о том, что все живы, здоровы, что суды идут по плану, что Наташа держит оборону, а Игорь купил дом для мамы. Потом, когда Алексей настроил передачу вибраций, они смогли слышать голоса. Рваные, прерывающиеся, как сквозь толщу воды, но живые. Смех Павла, который теперь уверенно бегал по московской квартире. Растянутые, бережные слова Виолетты: «Я слы-шу, как у вас там го-рит ка-мин...»

А затем пришло осознание: через этот же резонансный канал, в моменты пикового схождения фаз, можно проталкивать материю. Живую. Не людей. Но не большие предметы.

Так началась тихая, невидимая для посторонних глаз жизнь, которая связала два мира в одно целое.

Вечером Марина приехала к Наташе.

Коттедж подруги в закрытом поселке выглядел как обычное загородное жилье: кирпичные стены, кованые ворота, спутниковая тарелка. Но подвал под гаражом был переоборудован в бункер, который позавидовал бы любая разведывательная служба. Экранированные стены, генератор, автономная система вентиляции и стол в центре комнаты, заваленный странным оборудованием.

Здесь не было магии в привычном понимании. Здесь была физика, помноженная на интуицию Наташи и инженерный гений Алексея.

— Фаза луны убывающая, пик через двенадцать минут, — Наташа стояла у пульта, поправляя провода, идущие к массивному кристаллу, привезенному из Воронцово. Кристалл был заключен в медную оправу с рунами, которые Алексей вырезал сам. — Связь стабильная. Канал открыт. Готовь «таможню».

Марина подошла к столу. На нем лежал холщовый мешок. Внутри — три упаковки антибиотиков широкого спектра (в Воронцово с этим были проблемы после эпидемии гриппа), современные медицинские справочники в кожаном переплете, которые она заказала в антикварном магазине, и маленькая, запечатанная воском шкатулка.

В шкатулке лежало письмо. И не только.

— Включаю резонанс, — сказала Наташа, нажимая тумблер.

Воздух в подвале загустел. Запахло озоном и березовой золой — тем самым запахом, который Марина чувствовала в момент перехода. Кристалл начал пульсировать ровным, голубоватым светом. Смартфон Марины, лежавший рядом, завибрировал.

На экране появилась строка текста, набранная медленным, тяжелым почерком Михаила:

«Марина. Снег. Иван здоров. Алексей чинит магию. Настя учит детей шить. Жду. Твой М.»

Марина улыбнулась, набирая ответ одним пальцем:

«Я дома. Берсеневы побеждены. Центр открыт. Отправляю посылку. Береги себя.»

Она нажала «Отправить».

Наташа кивнула:

— Клади.

Марина придвинула холщовый мешок к кристаллу. Воздух над ним дрогнул, пошел рябью. Мешок медленно, словно подхваченный невидимым течением, приподнялся над столом и растворился в голубоватом свечении.

— Принято, — выдохнула Наташа, глядя на мониторы. — Биополе прошло через шлюз. Алексей на той стороне ловит якорь.

Они ждали в тишине. Минута. Две. Подвал гудел от работы генератора.

И вдруг кристалл вспыхнул. Свет стал теплее, золотистым. На стол, прямо на деревянную столешницу, с глухим, тяжелым стуком упал небольшой кожаный узелок. Пахло сушеными травами, дымом и… чем то еще. Запахом Воронцово.

Марина дрожащими руками развязала тесьму.

Внутри лежали три предмета.

Первый — маленькая, идеально отполированная деревянная птица. Точно такая же, как та, что Виолетта привезла с собой, только эта была вырезана из темного, тяжелого дерева, с инкрустацией из серебра. Работа Ивана.

Второй — плоский, запечатанный сургучом конверт.

Третий — небольшой мешочек из грубой ткани, туго набитый чем-то сухим.

Марина открыла конверт. Плотный пергамент, аккуратный, чуть угловатый почерк Михаила.

«Марина Сергеевна.

Алексей говорит, что ваши книги по медицине спасут Настю от нового приступа. Спасибо. Иван передал вам эту птицу. Он говорит, что в вашем мире нет таких деревьев, и он хотел, чтобы у Виолетты была память о нашем лесе. А в мешочке — серебряная нить. Это мох, который растет только на старых камнях у рудника. Настаивайте его в кипятке. Он убивает любую лихорадку за одну ночь. Берегите себя. Я смотрю на ту же луну, что и вы. До встречи. М.»

Марина прижала пергамент к груди. Деревянная птица была теплой, будто её только что держали в ладонях.

Наташа подошла ближе, заглядывая ей через плечо. Она взяла мешочек с мхом, открыла его, понюхала и хмыкнула.

— Знаешь, я отправила образец в свою лабораторию месяц назад, когда мы делали первый тестовый обмен семенами. Твои «семена» томатов проросли у них за три дня вместо трех недель. А их «серебряная нить»… Марин, это же природный антибиотик, который блокирует синтез белка у бактерий. В нашем мире за формулу этого мха фармкомпании убили бы друг друга.

— Это не для фармкомпаний, — тихо сказала Марина, пряча птицу в карман пальто. — Это для Насти. Если у неё снова начнется кашель, у меня будет лекарство.

Наташа посмотрела на неё внимательно, затем кивнула.

— Ты построила мост, Марин. Не из магии. Из логистики. Из заботы. Из ежедневных действий.

— Из лоскутков, — поправила её Марина. — Мы сшиваем два мира. По одному шву в день.

Домой Марина возвращалась поздно. Москва спала, укрытая мелким, мокрым снегом. Она зашла в квартиру, разбудила маму, которая спала на диване в гостиной, и молча положила на стол деревянную птицу с серебряными крыльями.

Валентина Ивановна проснулась, протерла глаза, увидела птицу и замерла. Она знала о Воронцово. Знала о Михаиле. Знала, что её дочка - женщина, у которой есть семья по ту сторону тумана.

Мама взяла птицу в морщинистые руки, провела пальцами по гладкому дереву, по холодному серебру.

— Красивая, — прошептала она. — Руки мастера. Добрые руки.

— Да, — Марина села рядом, обнимая мать за плечи. — Очень добрые.

Виолетта, которую шум разбудил, вышла из детской. Она увидела птицу на столе, подошла, взяла её в руки. Её глаза расширились. Она провела пальцами по серебряной инкрустации, и в сознании Марины вспыхнул образ: темный лес, тяжелый снег, запах дыма, и чье-то теплое, надежное присутствие, которое обещает: я здесь, я жду, ты не одна.

Виолетта подняла голову, посмотрела на мать и медленно, очень четко произнесла, растягивая гласные, чувствуя вибрацию собственного голоса:

— И-ван. Сделал.

— Да, — Марина улыбнулась, чувствуя, как по щеке катится одинокая, но счастливая слеза. — Это от Ивана.

Они не были вместе физически. Их разделяли миллионы километров, слои реальности, законы физики и магии. Но в этой маленькой московской квартире, пахнущей мандаринами и хвоей, на столе лежала деревянная птица, а в кармане — мешочек с лекарством из другого мира.

Марина посмотрела в окно, на снежную пыль, кружащую в свете фонаря. Где-то там, за гранью видимого, Михаил Иванович Воронцов, отставной генерал и боевой маг, сейчас, наверное, стоит у окна своего кабинета и смотрит на ту же луну.

Она достала из кармана смартфон. Открыла заметки. Там был список, который она вела последние недели. Не финансовый отчет. Не юридический протокол.

"Воронцово. Весна. Потребности."

«Медицина: Витамины для Насти, новые линзы для Алексея (он жалуется, что кристалл режет глаза при долгой работе)».

«Быт: Кофе в зернах (Михаил полюбил эспрессо), семена клубники».

«Личное: Письма. Фотографии. Тепло».

Она добавила новую строчку:

«Логистика: Наладить стабильный канал. Мы больше не бежим. Мы строим».

Тихая революция закончилась. Начинался тихий лад. И это была самая сложная, самая важная работа в её жизни. Работа по созданию дома, который не имел стен, но был крепче любой каменной крепости.

Глава 3. Новые корни

Квартиру Марина нашла не сразу. Два месяца она с Игорем объездила десятки вариантов - от тесных двушек на окраинах до просторных, но безликих апартаментов в новостройках. Ничего не подходило. То потолки слишком низкие, то окна на шумную магистраль, то планировка не позволяла выделить отдельные комнаты для каждого ребёнка.

- Нам нужен дом, - говорила она Игорю, листая очередной буклет. - Не просто квартира. Дом. Где у каждого будет своё пространство, но где мы все будем вместе.

Игорь кивал, понимая. Он знал, что сестра не просто ищет жильё. Она строит фундамент. Тот самый, на котором будет держаться их новая жизнь. Без Берсеневых. Без страха. Без оглядки.

И однажды Наташа прислала ссылку.

- Посмотри, - сказала она по телефону. - Это не массовая продажа. Хозяин уезжает за границу, продаёт срочно. Цена ниже рынка на пятнадцать процентов. Но квартира - то, что ты ищешь.

Марина открыла ссылку. И замерла.

Семь комнат. Двести двадцать квадратных метров. Высокие потолки - три метра двадцать. Панорамные окна с видом на парк. Закрытая территория, подземный паркинг, консьерж-сервис. Район - тихий, зелёный, в пятнадцати минутах от центра, но без столичной суеты.

- Это слишком, - прошептала она.

- Это то, что вам нужно, - ответила Наташа. - Семья с детьми, с мамой, с братом. Вам нужно пространство. Не тесниться. Не ютиться. Жить.

Марина позвонила Игорю.

- Поехали смотреть.

Квартира оказалась ещё лучше, чем на фотографиях.

Просторная гостиная с камином - настоящим, дровяным, а не электрической имитацией. Кухня-столовая, где могли бы одновременно готовить три человека и не мешать друг другу. Четыре спальни - одна для Марины, одна для мамы, две детские - для Виолетты и Павла. Кабинет - для Мариной работы. И ещё одна комната - свободная, которую можно было использовать как гостевую или игровую.

- Здесь светло, - сказала Виолетта, заходя в гостиную. Она стояла посреди комнаты, оглядывалась, и в её глазах было что-то новое - не страх, не настороженность, а... интерес. - Мама, здесь... хорошо.

- Хорошо, - кивнула Марина, обнимая её. - Здесь будет наш дом.

Игорь тем временем осматривал соседнюю квартиру - ту, что была на том же этаже, через две двери. Трёхкомнатная, семьдесят квадратных метров, с отдельным входом.

- Это тебе, - сказала Марина, когда они вернулись. - Твоя квартира. Твой дом.

Игорь посмотрел на неё - удивлённо.

- Марин, я...

- Ты взрослый мужчина, - она положила руку ему на плечо. - У тебя должна быть своя жизнь. Своё пространство. Но при этом - рядом. Чтобы мы были вместе, но не мешали друг другу.

Он молчал. Потом кивнул.

- Спасибо, - прошептал он. - Я... я не знаю, что сказать.

- Не надо ничего говорить, - она улыбнулась. - Просто живи.

Сделку оформили быстро. Деньги - от продажи доли в региональных центрах, от инвестиций, которые Марина вела всё это время, от алиментов и компенсаций, которые она нако-

нец-то получила после суда. Не миллионы, но достаточно, чтобы купить квартиру без ипотеки. Без кредитов. Без долгов.

- Ты уверена? - спрашивала её Наташа, когда они подписывали документы. - Это большие деньги.

- Я уверена, - кивнула Марина. - Это не трата. Это инвестиция. В нашу жизнь. В наших детей. В маму. В Игоря. В будущее.

Наташа посмотрела на неё - внимательно. Потом улыбнулась.

- Ты изменилась, Марин. Ты больше не выживаешь. Ты строишь.

- Да, - Марина подписала последний документ. - Я строю.

Переезд прошёл в три этапа. Сначала - техника и мебель. Потом - вещи и книги. И наконец - мама.

Валентина Ивановна не хотела уезжать из дома в Подмосковье.

- Тут хорошо, - говорила она, стоя на крыльце и глядя на сад. - Воздух. Тишина. Цветы. Зачем мне Москва?

- Потому что мы там, мама, - Марина обняла её. - Потому что Виолетта и Павел там. Потому что Игорь там. Потому что я там. Ты не хочешь быть одна.

Мама молчала. Потом кивнула.

- Не хочу, - прошептала она. - Не хочу быть одна.

Они перевезли её вещи - немного, самое необходимое. Старый чайник, который она использовала ещё в деревне. Альбом с фотографиями отца. Платье, в котором она ходила на первые собеседования Игоря. И - цветы. Много цветов. Розы, герань, фиалки.

- Без цветов я не смогу, - сказала она, ставя горшки на подоконник в новой квартире. - Они - как дыхание.

Квартира ожила.

Виолетта выбрала комнату с окнами на восток - «чтобы солнце утром будило». Она поставила на подоконник деревянную птицу, которую ей подарил Иван в Воронцово, и тряпичную куклу, которую сшила Настя. Рядом - фотографии. Все. Из двух миров.

Павел - пока не понимал. Ему было полтора года, он только учился ходить, только начинал говорить. Но он чувствовал. Чувствовал, что здесь - другое. Что воздух - другой. Что звуки - другие. Он капризничал по ночам, просыпался, тянулся к матери.

- Ему нужно время, - говорила Марина, укладывая его спать. - Он адаптируется.

- А я? - Виолетта стояла в дверях, прижимая к себе куклу. - Мама, я... я скучаю.

- По кому, солнышко?

- По... по магии, - она опустила взгляд. - Там всё было живое. Деревья дышали. Вода пела. А здесь... здесь всё обычное.

Марина опустилась на корточки перед ней.

- Здесь тоже есть магия, Виолетта. Просто она другая. Не такая, как там. Но она есть.

- Где? - Виолетта подняла глаза.

- В тебе, - Марина коснулась её щеки. - В Павле. Во мне. Магия - это не только узлы и заклинания. Это - жизнь. Это - любовь. Это - то, что делает мир живым.

Виолетта подумала. Потом кивнула.

- Хорошо, - прошептала она. - Тогда... тогда я подожду.

Магия проявилась на пятый день.

Марина проснулась от странного звука - от громкого, радостного визга. Она вскочила, выбежала в коридор, побежала к ванной.

Павел стоял в центре комнаты - в одном подгузнике, с мокрыми волосами - и смеялся. Вокруг него - вода из крана, из ванны, из раковины - кружилась, поднималась, образовывала маленький, но настоящий смерч, который бил в потолок, брызгал на стены, на пол.

- Паша! - Марина остановилась в дверях. - Нельзя!

Павел посмотрел на неё - с виноватыми глазами. Смерч дрогнул. Опустился. Вода хлынула обратно в ванну, в раковину, на пол.

- Ма-ма, - сказал он. - Ва-да... иг-ра-ет.

- Я знаю, солнышко, - Марина вздохнула, вытирая лицо. - Но нельзя. Вода - для мытья. Не для игр. Поняла?

Павел кивнул. Опустил голову.

- Паси-ба.

Марина улыбнулась - несмотря на усталость, несмотря на мокрый пол, несмотря на то, что ей придётся всё вытирать.

- Не за что, боец. Иди, одевайся. Завтрак ждёт.

Потом - на кухне.

Мама мыла посуду. Павел сидел в высоком стульчике, пил из поильника. Поильник упал. Вода разлилась по столу. Мама ахнула, потянулась за тряпкой.

Но вода - не потекла на пол. Она собралась в центре стола маленьким шариком, повисла на секунду, потом - медленно, послушно - влилась обратно в поильник.

Мама села на стул. Посмотрела на Марину.

- Это... это нормально?

- В их мире - да, - Марина вытирала стол. - В нашем - нет. Но он не знает, что «нет». Ему никто не говорил.

- А здесь? - мама посмотрела на Павла, который уже тянулся к другому стакану.

- Здесь - тоже, - Марина помедлила. - Просто - никто не знает, что это магия. Думают - случайность. Или - фокус.

Мама молчала. Потом тихо сказала:

- Значит, магия есть везде. Просто - в разных мирах она проявляется по-разному.

- Да, - кивнула Марина. - И если магия есть здесь - значит, и переход возможен. Не только оттуда - сюда. Но и отсюда - туда.

Мама посмотрела на неё - долго, внимательно.

- Ты думаешь... они смогут прийти?

- Я надеюсь, - Марина прижала ладонь к груди, туда, где под рубашкой лежал серебряный медальон с прядкой волос Михаила. - Я верю, что смогут.

Виолетта тоже проявила свой дар - но иначе.

Это произошло в центре, через неделю после открытия. Марина привела её с собой - не как специалиста, не как сотрудника, а как девочку, которая пришла с мамой на работу. Виолетта сидела в сенсорной комнате, перебирала камешки, рисовала, молчала.

Но дети чувствовали её.

Первым был Артём. Семь лет, тяжёлая форма аутизма, сенсорная перегрузка, не говорит, не смотрит в глаза, бьёт себя по голове, когда громко. Его мать - Ольга, молодая женщина с красными от бессонницы глазами - стояла рядом, держала его за руку, но он вырывался, качался, бормотал что-то своё, непонятное.

Виолетта подошла - не вплотную. Остановилась в метре. Села на пол - рядом, но не касаясь. Не заговаривала. Просто - была.

Ольга посмотрела на неё - настороженно.

- Это ваша дочь?

- Да, - Марина подошла. - Виолетта. Ей шесть. Она... особенная.

- В каком смысле?

Марина помедлила. Выбрала слова - осторожно, бережно.

- Она чувствует других. Не словами. А - присутствием. Как... как если бы она могла слышать то, что другие не слышат. Видеть то, что другие не видят.

Ольга посмотрела на неё - с сомнением. Но не возразила. Просто - наблюдала.

А Виолетта - сидела. Молча. Рядом. Не смотрела на Артёма прямо - смотрела в сторону, на стену, на пол. Не тянулась к нему. Просто - была.

И через минуту - Артём перестал качаться.

Медленно, осторожно, он повернул голову. Посмотрел на Виолетту - не в глаза, а - на её руку. На её сарафан. На её косу.

Потом - медленно, неуклюже - придвинулся ближе. Сел рядом. Не касаясь. Но - рядом.

Ольга замерла. Посмотрела на Марину - с изумлением.

- Он... он никогда... он никогда не садится рядом с чужими. Никогда.

Марина улыбнулась - тихо, чуть заметно.

- Виолетта - особенная.

К вечеру - Виолетта сидела на полу в сенсорной комнате, окружённая тремя детьми. Артём - рядом, прижавшись плечом. Девочка лет пяти - Лиза, которая пряталась за матерью, - теперь сидела напротив, играла с камешками, которые Виолетта принесла с собой (гладкие, тёплые, с валуна из Воронцово). Мальчик лет восьми - Миша, который не говорил, но понимал всё, - смотрел на Виолетту, повторял её движения, её жесты.

Родители стояли в дверях - молча, с изумлением, со слезами на глазах.

- Что она делает? - прошептала мать Лизы.

- Она - с ними, - Марина стояла рядом. - Просто - с ними.

- Но... как? Почему они... почему они не боятся?

Марина помедлила. Выбрала слова.

- Потому что она - не боится. Потому что она - чувствует их. Потому что она - принимает их такими, какие они есть. Без условий. Без ожиданий. Просто - принимает.

Родители переглянулись. Не поняли - полностью. Но - поверили.

Потому что видели - своими глазами - как их дети, которые обычно прятались, кричали, бились в истериках, - теперь сидят спокойно, тихо, рядом с маленькой девочкой, которая не говорит с ними словами, но говорит - чем-то другим. Чем-то, что важнее слов.

Вечером, когда Марина укладывала Виолетту спать, девочка вдруг спросила:

- Мама, а Михаил Иванович он знает?

- Что знает?

- Что я... я по-мо-га-ю. Что я... я такая.

Марина помедлила. Подумала.

- Не знаю, солнышко, - сказала она честно. - Но... я думаю, он чувствует. Он - маг. Он - чувствует то, что далеко.

Виолетта кивнула. Закрыла глаза.

- Я то-же чувствую, - прошептала она. - Он... он там. Ждёт. Ду-ма-ет о нас.

Марина прижала её к себе. Поцеловала в макушку.

- Спи, солнышко, - прошептала она. - Всё будет хорошо.

- Хо-ро-шо, - Виолетта улыбнулась. - Я знаю.

И - уснула.

А Марина - сидела у окна. Смотрела в ночное небо. Думала.

О Виолетте. О Павле. О магии, которая - есть. Здесь. В этом мире, где «магии нет».

О Михаиле. О детях, которые остались там. Об Иване, который продолжал школу. Об Алексее, который работал над якорем. О Насте, которая вела реабилитационные занятия.

О трещине. О том, откроется ли она снова. О том, смогут ли они - все - быть вместе.

И - о магии. О той, которую она чувствовала здесь, в этом мире, где «магии нет». О той, которую демонстрировали её дети - Павел, Виолетта. О той, которую она сама - иногда - чувствовала в руках, когда касалась кого-то, кому было больно.

«Может быть, - подумала она, - магия есть везде. Просто - в разных мирах она проявляется по-разному. Там - явно. Здесь - скрыто. Но - есть.»

И если магия есть здесь - значит, и Михаил может прийти. И дети. И - все.

Потому что если магия - везде, то и трещина - может открыться с двух сторон. Не только оттуда - сюда. Но и отсюда - туда.

Она закрыла глаза. Прижала ладонь к медальону на шее - к прядке волос Михаила.

«Я жду, - подумала она. - Я буду ждать. Долго, если понадобится. Потому что некоторые вещи - сильнее расстояния. Сильнее миров. Сильнее времени.»

И - уснула. С улыбкой. Тихой, чуть заметной. Но - настоящей.

На следующий день - мама пришла к Марине на кухню.

- Марин, - она поставила перед ней чашку с чаем. - Я вчера видела, как Павел играл с водой. И... я подумала.

- О чём, мама?

- О том, что... что он не один такой. Что Виолетта - тоже. Что ты - тоже. Что магия - она в вас. В вашей крови. В ваших генах.

Марина посмотрела на неё - внимательно.

- Ты думаешь...

- Я думаю, - мама села напротив, - что если магия - в вас, то она может проявиться и здесь. Не так, как там. Не с узлами и заклинаниями. А - иначе. Как интуиция. Как дар. Как... как то, что делает Виолетта с детьми.

Марина молчала. Думала.

- Может быть, - сказала она наконец, - ты права. Может быть, магия - это не то, что приходит извне. Это то, что есть внутри. И если она есть внутри - она может проявиться где угодно. В любом мире.

Мама кивнула.

- Вот именно. И если это так - значит, Михаил и дети могут прийти. Потому что магия - в них. И она не исчезнет, когда они перейдут. Она просто... изменится. Станет другой. Но останется.

Марина закрыла глаза. Слёзы - тихие, горячие - потекли по её щекам.

- Спасибо, мама, - прошептала она. - Спасибо, что напомнила.

- Не за что, - мама вытерла ей слёзы. - Я просто - рядом. Всегда.

Вечером Марина позвонила Наташе.

- Я поняла, - сказала она. - Магия - везде. Не только там. Здесь - тоже. Просто - она другая. Скрытая. Но - есть.

- И что это значит? - Наташа слушала внимательно.

- Это значит, - Марина посмотрела в окно, на ночной город, - что переход возможен. Не только оттуда - сюда. Но и отсюда - туда. Если магия - в них, если она - часть их, то они могут прийти. И когда придут - магия не исчезнет. Она просто... адаптируется. Станет частью этого мира.

Наташа молчала. Потом тихо сказала:

- Ты веришь, что они придут?

- Я верю, - Марина прижала ладонь к медальону. - Я знаю, что они придут. Рано или поздно. Через год. Через десять лет. Через всё. Но они придут.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что, - Марина улыбнулась, - некоторые вещи - сильнее расстояния. Сильнее миров. Сильнее времени.

Наташа усмехнулась.

- Ты изменилась, Марин. Ты больше не выживаешь. Ты надеешься.

- Да, - Марина кивнула. - Я надеюсь. И это - самое важное.

Она положила трубку. Подошла к окну. Посмотрела в ночное небо.

Где-то там, за тысячи километров и сквозь слои реальности, Михаил Иванович Воронцов, отставной генерал и боевой маг, сейчас, наверное, стоит у окна своего кабинета и смотрит на ту же луну.

И думает о ней.

И ждёт.

Как и она.

Потому что любовь - это не про присутствие. Это про ожидание. Про веру. Про знание.

И они - они знали.

Что встретятся.

Рано или поздно.

Через год.

Через десять лет.

Через всё.

Но встретятся.

Потому что некоторые вещи - сильнее расстояния. Сильнее миров. Сильнее времени.

Москва. Две недели спустя.

Наташа настраивала оборудование с той же сосредоточенностью, с какой сапёр обезвреживает мину. В подвале её коттеджа на Рублёвке - теперь это была не просто подвал, а полноценная лаборатория - гудел генератор, мигали индикаторы на стойке с мониторами, пахло нагретой электроникой и чем-то неуловимо чужим - озоном от магического кристалла.

Марина сидела напротив, сжимая в руках смартфон. Экран был чистым - ни одного приложения, ни одной иконки. Только чёрный фон и тонкая голубая линия посередине, которая начинала пульсировать, когда канал открывался.

- Луна в фазе убывания, пик через восемь минут, - Наташа проверила показания на планшете. - Алексей передал координаты. Частота - 7,3 герца, модуляция - стабильная. Он говорит, что за две недели стабилизировал якорь на семьдесят процентов.

- Это много? - Марина не отрывала взгляда от экрана.

- Для магии, которая работает через физику, - это прорыв, - Наташа усмехнулась. - Я бы сказала - революция. Но Алексей не любит громких слов. Он сказал: "Канал держится. Можно говорить дольше. Можно передавать изображения. Осторожно".

- Осторожно - это как?

- Это значит, что если мы превысим лимит, кристалл на той стороне может треснуть. А на нашей - сгореть вся аппаратура. Так что - говорим чётко, по делу, без лишних эмоций.

Марина кивнула. Она понимала. Эмоции - это хорошо для жизни. Для канала - это помехи.

- Готова? - Наташа положила руку на тумблер.

- Готова.

- Включаю.

Гул генератора сменился низким, вибрирующим звуком, от которого заныли зубы. Воздух в подвале стал плотнее, тяжелее. Запахло озоном, берёзовой золой, чем-то ещё - тем самым, что Марина чувствовала в момент перехода. Запах Воронцово.

На экране смартфона голубая линия дрогнула. Раздвоилась. Стала пульсировать в такт с гулом.

Потом - буквы.

Медленно, одна за другой, как будто кто-то на той стороне набирал их одним пальцем, стараясь не задеть соседние.

«М. Слышу. Жду.»

Марина выдохнула. Набрала ответ.

«М. Мы дома. Всё хорошо. Расскажу. Слушай.»

Тишина. Три секунды. Потом:

«Слушаю.»

Воронцово. Одновременно.

Михаил Иванович сидел в подвале башни. Перед ним - медный диск с рунами, в центре - янтарный кристалл, заключённый в серебряную оправу. Рядом - Иван и Алексей. Иван держал наготове свечу - если магический фон начнёт скакать, огонь стабилизирует. Алексей - перо и лист пергамента. Он записывал всё. Каждое слово. Каждую паузу. Каждую вибрацию.

- Канал открыт, - тихо сказал Алексей. Его голос был ровным, но пальцы, державшие перо, слегка дрожали. - Стабильность - семьдесят два процента. Держится.

Михаил кивнул. Он смотрел на кристалл. Янтарь светился мягким, тёплым светом - не голубоватым, как раньше, а золотистым. Алексей сказал - это потому, что якорь стабилизировался. Что магия Марины и магия его мира начали резонировать, а не конфликтовать.

- Она пишет, - тихо сказал он.

Иван наклонился ближе. Алексей - тоже.

На пергаменте, который Алексей положил рядом с кристаллом, начали появляться буквы. Не магические. Обычные. Чернильные. Как будто кто-то невидимый писал их.

«Михаил. Павел - маг. Вода. Здесь, на Земле. Он поднимает воду. Крутит. Управляет. Не нарочно. Играет.»

Михаил замер.

Иван выдохнул.

Алексей - уронил перо.

- Он... применяет магию? - прошептал Иван. - Здесь? В её мире? Где нет магии?

- Пишет - да, - Михаил не отрывал взгляда от пергамента. - Вода. Гидрокинез. Я слышал это слово. Это - управление жидкостями. Силой мысли.

- Но... но там нет магии, - Алексей поднял перо, продолжил записывать. - Она сама говорила. В её мире - физика. Химия. Технологии. Нет магии.

- А у Павел - есть, - Михаил усмехнулся. Тихо, горько, с теплом. - Видимо, магия - не в мире. Магия - в нём. В детях.

На пергаменте появились новые буквы.

«Виолетта - тоже. Она чувствует других. Детей. В центре, который я открыла. Дети с особенностями. Аутизм. Нарушения слуха. Речи. Она сидит рядом. Молчит. Просто - есть. И они успокаиваются. Улыбаются. Начинают говорить. Специалисты не понимают. Я - понимаю. Это - её дар. Эмпатия. Ментальная связь.»

Михаил закрыл глаза.

Он представил Виолетту. Шестилетнюю девочку, которая не слышала мира. Которая говорила жестами. Которая в их мире заговорила, когда спал блок. Которая чувствовала людей - их состояния, их боль, их радость.

И которая теперь - здесь. В мире без магии. Помогает детям. Просто - присутствуя.

- Она - целитель, - тихо сказал он. - Не магией. Присутствием. Как и её мать.

- Пишет ещё, - Алексей наклонился над пергаментом.

«Мама плакала, когда впервые увидела, как Павел поднял воду из стакана. Не от страха. От облегчения. Что они - не сломаны. Что магия - не исчезла. Что она - с ними. Всегда.»

Михаил открыл глаза. Посмотрел на Ивана. На Алексея.

- Они живы, - сказал он. - Они - дома. И они - не одни.

Иван кивнул. Алексей - вытер слезу, которая предательски скатилась по щеке. Он быстро стер её рукавом, словно стыдясь.

- Спроси её, - тихо сказал Иван. - Спроси - как они. По-настоящему. Не про магию. Про них.

Михаил кивнул. Положил руку на кристалл. Закрыл глаза.

И - послал вопрос. Не словами. Ощущением. Теплом. Заботой.

Москва.

На экране смартфона появились новые буквы.

«Как вы? По-настоящему. Не про дела. Про вас.»

Марина улыбнулась. Тихо, тепло.

Она знала - он спрашивает не про суды. Не про работу. Не про дела. Он спрашивает - как они. Она. Виолетта. Павел. Как они живут. Как дышат. Как спят.

Она набрала ответ.

«Мы живём. По-настоящему. Впервые за долгое время. Мама - рядом. Игорь - рядом. Наташа - рядом. Центр работает. Дети - улыбаются. Виолетта - помогает. Павел - играет. Я - работаю. Сплю. Ем. Дышу. Без страха. Без оглядки. Без ожидания удара.»

Она помедлила. Потом добавила:

«Я счастлива, Михаил. Впервые за долгое время - счастлива. И я знаю - вы тоже. Потому что вы - живы. Потому что вы - ждёте. Потому что мы - связаны. Навсегда.»

Воронцово.

Михаил читал буквы, которые появлялись на пергаменте. Медленно. Внимательно.

Иван смотрел ему через плечо. Алексей - записывал каждое слово.

Когда буквы закончились, в подвале повисла тишина. Не тяжёлая. Не давящая. А - тёплая. Живая.

- Она счастлива, - тихо сказал Михаил. - Впервые за долгое время.

Иван кивнул. Он не мог говорить. Горло сжалось.

Алексей - вытер ещё одну слезу. И - вдруг выпрямился. Его глаза загорелись.

- Отец, - сказал он. - Я придумал.

Михаил посмотрел на него. Иван - тоже.

- Что придумал?

- Как стабилизировать якорь. Навсегда. Не на семьдесят процентов. На сто. Чтобы канал не закрывался. Чтобы мы могли говорить - когда захотим. Передавать - когда захотим. Не только в лунные фазы. Не только в моменты резонанса. Всегда.

Михаил нахмурился.

- Это возможно?

- Я не знаю, - Алексей говорил быстро, словно боялся упустить мысль. - Но я думаю - да. Если мы ведём расчёты с двух сторон. Одновременно. На Земле - Наташа. Она - сможет. Она понимает физику. Здесь - я. Я понимаю магию. Иван - помогает с силой. Вы - с огнём. Мы - как два крыла одной птицы. Если оба крыла машут в такт - птица летит. Если одно - падает.

- Что нужно? - Иван выпрямился. - Что я должен делать?

- Расчёты, - Алексей достал из кармана сложенный лист. Развернул. - Я уже начал. Вот - схема якоря. Вот - точки резонанса. Вот - частоты, на которых магия Земли и магия Воронцово совпадают. Их - семь. Семь точек. Семь частот. Если мы настроим якорь на все семь - канал станет стабильным. Постоянным.

- А Наташа? - Михаил посмотрел на кристалл.

- Она - на Земле. У неё - оборудование. Генераторы. Антенны. Компьютеры. Она может измерить физические параметры. Магнитное поле. Электромагнитный фон. Найти геологические разломы. Я - здесь. Я могу измерить магические параметры. Потоки энергии. Лей-линии. Магические узлы. Если мы объединим данные - мы найдём семь точек. И настроим якорь.

- Это займёт время, - Иван нахмурился.

- Да, - Алексей кивнул. - Недели. Может, месяцы. Но - это возможно. Я чувствую.

Михаил посмотрел на сына. На его горящие глаза. На его руки, которые дрожали - не от страха, а от возбуждения.

- Хорошо, - сказал он. - Мы начинаем. Сегодня. Сейчас.

Он положил руку на кристалл. Послал ответ.

«Марина. Мы начинаем. Алексей придумал план. Стабилизация якоря. Навсегда. Расчёты - с двух сторон. Наташа - на Земле. Мы - здесь. Это займёт время. Но мы - справимся. Мы - вместе. Всегда.»

Москва.

Марина прочитала ответ. Улыбнулась.

- Он говорит - начинаем, - она повернулась к Наташе. - Алексей придумал план. Стабилизация якоря. Навсегда.

Наташа подняла бровь.

- Навсегда? Это амбициозно.

- Он говорит - возможно. Если мы ведём расчёты с двух сторон. Ты - на Земле. Они - в Воронцово.

Наташа задумалась. Потом - кивнула.

- Хорошо. Я готова. Что нужно делать?

- Алексей пришлёт схему. Точки резонанса. Частоты. Ты - измеряешь физические параметры. Магнитное поле. Электромагнитный фон. Геологические разломы. Они - измеряют магические параметры. Потоки энергии. Лей-линии. Магические узлы. Если мы объединим данные - мы найдём семь точек. И настроим якорь.

- Это займёт время, - Наташа нахмурилась.

- Да, - Марина кивнула. - Недели. Может, месяцы. Но - это возможно. Они чувствуют.

Наташа усмехнулась.

- "Они чувствуют". Ты тоже так говоришь.

- Я учусь, - Марина улыбнулась. - У них.

Воронцово. Вечер.

Алексей сидел за столом в подвале башни. Перед ним - листы пергамента, исписанные формулами, схемами, расчётами. Рядом - Иван, который проверял цифры. Михаил - стоял у окна, смотрел в сад, думал.

- Вот, - Алексей показал лист. - Первая точка резонанса. Здесь - в Воронцово. В подвале башни. Магический фон - максимальный. Лей-линия - проходит прямо под нами.

- А на Земле? - Иван посмотрел на схему.

- Я не знаю, - Алексей покачал головой. - Наташа должна найти. Там - где магический фон - минимальный. Где электромагнитное поле - стабильное. Где нет разломов. Где нет помех.

- Это - сложно, - Иван нахмурился. - На Земле - везде помехи. Города. Машины. Провода.

- Да, - Алексей кивнул. - Поэтому Наташа - должна искать. Должна измерить. Должна найти точку, где помех - минимум.

Михаил обернулся.

- Я напишу ей, - сказал он. - Объясню. Она - поймёт.

- Она - экономист, - Алексей усмехнулся. - Она - поймёт. Она - умеет считать.

Михаил усмехнулся тоже.

- Да, - сказал он. - Она - умеет считать. Лучше, чем мы все.

Москва. Ночь.

Марина сидела на кухне. Перед ней - ноутбук. На экране - таблица. Не финансовая. Не юридическая. А - новая.

«Стабилизация якоря. Точки резонанса. Частоты.»

Она открыла письмо от Наташи.

«Марина, я получила схему от Алексея. Он - гений. Двенадцать лет, а думает как профессор физики. Вот - что нужно измерить. Магнитное поле. Электромагнитный фон. Геологические разломы. Я начинаю завтра. Куплю оборудование. Поеду в разные точки. Измерю. Сравню. Найду - где помех минимум.»

Марина улыбнулась.

Она набрала ответ.

«Наташ, спасибо. Ты - лучшая. Я - помогу. Чем могу.»

Потом - открыла другую вкладку. Карта Московской области. Она начала отмечать точки. Леса. Поля. Реки. Холмы. Места, где она была. Места, где чувствовала - что-то странное.Что-то неуловимое.

Может быть - это и есть точки резонанса.

Может быть - она найдёт их.

Может быть - они найдут её.

Воронцово. Одновременно.

Михаил сидел в кабинете. Перед ним - пергамент. На нём - буквы, которые появлялись медленно, одна за другой.

«Михаил. Я начинаю. Наташа - тоже. Мы - найдём точки. Мы - настроим якорь. Мы - будем вместе. Всегда.»

Он улыбнулся. Тихо, тепло.

Потом - написал ответ.

«Марина. Мы - ждём. Мы - работаем. Мы - верим. До встречи.»

Москва. Утро.

Марина проснулась рано. Солнце ещё не взошло, но небо уже светлело - бледно-розовое, с золотыми прожилками на горизонте.

Она встала, подошла к окну. Посмотрела в окно На деревья. На небо, которое обещало - что-то новое.

Она знала впереди недели работы. Расчёты. Измерения. Поиск. Ошибки. Находки.

Но она также знала они справятся.

Потому что они вместе.

Потому что они связаны.

Потому что некоторые вещи сильнее расстояния. Сильнее миров. Сильнее времени.

Глава 4. Мост надежды

Москва. Подвал Наташи. 23:47.

Магический кристалл пульсировал ровным голубоватым светом, отбрасывая на стены подвала длинные, дрожащие тени. Наташа сидела за пультом управления, пальцы быстро бегали по клавишам ноутбука, глаза не отрывались от монитора. Рядом, на столе, была разложена огромная карта Московской области - не обычная, а специальная, с нанесёнными магическими аномалиями, энергетическими разломами, точками пересечения лей-линий.

- Вот здесь, - Наташа ткнула пальцем в точку к северу от Москвы, - ещё одна аномалия. Магнитное поле скачет, электромагнитный фон нестабилен. Это может быть точка разлома.

Марина, сидевшая напротив с планшетом в руках, наклонилась ближе. Её глаза, обычно такие спокойные и собранные, сейчас горели лихорадочным огнём исследователя.

- Покажи координаты, - она быстро вбила цифры в приложение, которое Алексей прислал неделю назад. - Так... частота резонанса - 7,3 герца. Совпадает с воронцовской.

- Это уже третья точка за месяц, - Наташа откинулась на спинку кресла, провела рукой по короткой стрижке. - Марин, ты понимаешь, что мы делаем? Мы составляем карту межмировых переходов. Карту, которой не существует ни в одном мире.

Марина улыбнулась - тихо, чуть заметно.

- Алексей говорит, что у них тоже прогресс. Он нашёл способ стабилизировать канал не только в лунные фазы, но и в моменты магнитных бурь. Это увеличивает окно связи с тридцати минут до двух часов.

- Два часа? - Наташа подняла брови. - Это... это прорыв.

- Да, - Марина кивнула. - И он работает над чем-то ещё. Говорит, что если объединить магию огня Михаила и магию воздуха свою, можно создать... накопитель. Кристалл, который будет удерживать энергию для передачи не только текста, но и звука. И изображения.

Наташа замерла. Посмотрела на Марину - внимательно, оценивающе.

- Изображения? Ты понимаешь, что это значит?

- Понимаю, - голос Марины дрогнул. - Я увижу его. Увижу Михаила. Детей. Увижу, как они выглядят сейчас. Спустя восемь месяцев.

- И он увидит тебя, - Наташа тихо выдохнула. - Марин, это... это больше, чем связь. Это... это мост. Настоящий.

Марина закрыла глаза на секунду. Когда открыла - в них стояли слёзы. Но она не плакала. Просто - чувствовала.

- Я не знаю, как благодарить его, - прошептала она. - За то, что он не сдался. За то, что он работает день и ночь. За то, что он... он ждёт.

- Не надо благодарить, - Наташа положила руку ей на плечо. - Просто будь готова. Когда канал откроется - будь готова. Потому что это будет... момент, который изменит всё.

Воронцово. Подвал башни. 02:15.

Алексей сидел на полу, окружённый кристаллами, схемами, пергаментами. Его пальцы, обычно такие точные и уверенные, сейчас дрожали от усталости. Глаза - красные, воспалённые. Но он не останавливался. Не мог.

Рядом стоял Михаил. Граф смотрел на сына - с гордостью, с тревогой, с любовью. Он видел, как Алексей истощает себя, как жертвует сном, едой, здоровьем ради одной цели - открыть канал, по которому они смогут не только писать, но и видеть друг друга.

- Сын, - тихо сказал Михаил, - тебе нужно отдохнуть.

- Не могу, - Алексей покачал головой, не поднимая глаз от схемы. - Я близок. Я чувствую. Если я остановлюсь сейчас - всё рухнет. Частота нестабильна. Нужно удержать.

Михаил опустился на корточки рядом. Положил руку ему на плечо.

- Алексей, ты не машина. Ты человек. Ты не можешь работать без отдыха.

- Могу, - Алексей поднял на него взгляд - и Михаил увидел в нём ту самую сталь, которая была в его собственных глазах, когда он стоял на поле боя. - Отец, я не могу остановиться. Потому что если я остановлюсь - они не увидят нас. Марина не увидит тебя. Мы не увидим ту, которая стала нам мамой. Я не могу... я не имею права остановиться.

Михаил молчал. Он понимал. Он чувствовал то же самое - эту жгучую, нестерпимую потребность быть рядом, видеть, слышать, знать, что они живы, что они в безопасности, что они... ждут.

- Хорошо, - он кивнул. - Тогда я помогу.

Он протянул руку - и из его ладони вырвался тонкий, ровный язычок пламени. Не красного, а белого, почти прозрачного. Магия огня - тёплая, живая, послушная. Он направил её в кристалл - и кристалл вспыхнул ярче, стабильнее.

Алексей выдохнул. Улыбнулся - тихо, горько.

- Спасибо, отец.

- Не за что, - Михаил сжал его плечо. - Мы делаем это вместе. Как семья.

Дверь подвала тихо скрипнула. Вошёл Иван - в простой рабочей рубашке, с фонарём в руке. Лицо серьёзное, сосредоточенное.

- Я не спал, - сказал он. - Услышал, что вы здесь. Могу помочь?

Алексей посмотрел на брата - долго, внимательно. Потом кивнул.

- Да. Мне нужна твоя магия. Земля. Чтобы стабилизировать поток.

Иван сел рядом. Закрыл глаза. Положил ладони на пол - и из-под них потекла тонкая, ровная нить энергии. Магия земли - тяжёлая, плотная, надёжная. Она обвила кристалл, как корни дерево, и поток стал стабильнее, ровнее.

Трое мужчин - отец и два сына - сидели в подвале башни, окружённые кристаллами и схемами, и работали. Не ради славы. Не ради признания. А ради одной цели - открыть мост, по которому они смогут увидеть тех, кого любят.

Москва.

Наташа резко подняла голову от монитора.

- Марин, смотри! Частота скачет! Это... они!

Марина схватила смартфон - тот самый, который теперь стал её главным окном в иной мир. Экран зажёгся - голубоватым, пульсирующим светом. Появилась строка текста, набранная медленным, тяжёлым почерком:

«Марина. Канал стабилен. Готовы к прорыву. Через три минуты - звук и изображение. Длительность - не больше трёх минут. Алексей говорит, что это максимум, что мы можем удержать. Будь готова.»

Марина выдохнула. Руки дрожали. Она набрала ответ:

«Готова. Жду.»

Наташа быстро настроила оборудование - камеры, микрофоны, усилители сигнала. Всё было готово. Всё было проверено. Всё было... на пределе возможностей.

- Три минуты, - прошептала она. - Только три минуты. Но это... это больше, чем мы могли мечтать.

Марина кивнула. Слёзы текли по её щекам - но она не стирала их. Просто - ждала.

*оронцово.

Алексей посмотрел на часы.

- Две минуты.

Михаил встал. Подошёл к кристаллу - тому самому, в который был запечатан локон волос Марины. Положил на него ладонь - и пустил магию. Тёплую, ровную, живую.

Иван - свою. Земляную, тяжёлую, надёжную.

Алексей - свою. Воздушную, лёгкую, точную.

Три потока магии сомкнулись вокруг кристалла - и кристалл вспыхнул. Не голубоватым, а золотистым, тёплым, живым светом.

- Одна минута, - прошептал Алексей.

Он достал из кармана тонкую пластину из чёрного серебра - ту самую, которую сделал по описаниям Марины, пытаясь воспроизвести принцип её смартфона. Положил её на кристалл - и пластина вспыхнула.

Экран зажёгся - ярким, чистым светом.

- Канал открыт, - выдохнул Алексей. - Звук и изображение. Три минуты. Начинаем.

Москва.

Экран смартфона Марины вспыхнул - и Наташа ахнула.

- Марин, смотри!

На экране появилось изображение - размытое, дрожащее, но живое. Подвал. Каменные стены. Кристалл, сияющий золотистым светом. И - трое мужчин.

Михаил. Граф. Отставной генерал. Боевой маг. Он стоял прямо, плечи расправлены, но в глазах - та самая нежность, которую Марина помнила. Та самая, которая заставляла её сердце сжиматься от боли и любви.

Иван. Четырнадцать лет. Широкие плечи, серьёзное лицо. Он смотрел в камеру - внимательно, оценивающе, но в уголках губ - едва заметная улыбка.

Алексей. Двенадцать лет. Худой, угловатый, с вечно растрёпанными волосами. Он держал в руках пластину - ту самую, через которую шёл сигнал. Его глаза - красные, воспалённые, но горящие лихорадочным огнём исследователя.

И - Настя. Восемь лет. Бледная, тихая, с большими, серьёзными глазами. Она стояла чуть позади, прижавшись к стене, но смотрела в камеру - с надеждой, с тревогой, с любовью.

Марина закрыла рот рукой, чтобы не закричать. Слёзы хлынули - горячие, бессильные.

- Михаил, - прошептала она. - Михаил...

Воронцово.

Михаил увидел её - и мир вокруг него пошатнулся.

Она была здесь. На экране. Живая. Настоящая. Её лицо - бледное, но живое. Её глаза - тёмные, полные боли и любви. Её голос - хриплый, сорванный, но такой родной.

- Марина, - выдохнул он. - Марина...

Он протянул руку - и коснулся экрана. Пальцы встретили холодное стекло - но он чувствовал. Чувствовал её. Её тепло. Её боль. Её любовь.

Иван стоял рядом - молча, серьёзно. Он смотрел на Марину - и в его глазах стояли слёзы. Но он не плакал. Просто - чувствовал.

Алексей держал пластину - крепко, уверенно. Его пальцы дрожали, но он не отпускал. Он не имел права отпустить. Не сейчас. Не когда канал стабилен.

Настя подошла ближе - тихо, осторожно. Она посмотрела на Марину - и улыбнулась. Тихо, чуть заметно, но по-настоящему.

- Мама Марина, - прошептала она. - Мы... видим тебя.

Москва.

Марина услышала её голос - и сердце застучало чаще.

- Настя, - прошептала она. - Настенька...

Она увидела Ивана - и улыбнулась сквозь слёзы.

- Иван, - сказала она. - Ты вырос. Ты такой... серьёзный. Такой взрослый.

Иван усмехнулся - тихо, горько.

- Я стараюсь, - сказал он. - Мы все стараемся.

Алексей поднял голову - и Марина увидела его лицо. Усталое, воспалённое, но живое. Настоящее.

- Алексей, - прошептала она. - Ты... сделал это. Ты открыл канал. Ты... невероятный.

Алексей покраснел - тихо, чуть заметно. Отвернулся.

- Это не я, - сказал он. - Это мы. Все. Вместе.

Наташа стояла рядом - молча, внимательно. Она смотрела на экран - на этих четверых, на эту странную, чужую, но такую родную семью - и чувствовала, как что-то внутри неё сжимается. Не от зависти. От уважения. От восхищения.

Алексей поднял глаза - и увидел её.

- Наташа, - сказал он. - Это вы? Наталья Владимировна?

Наташа кивнула.

- Да, - сказала она. - Это я.

Алексей улыбнулся - тихо, чуть заметно.

- Спасибо, - сказал он. - За то, что вы помогаете ей. За то, что вы... рядом.

Наташа кивнула.

- Всегда, - сказала она. - Мы всегда рядом.

Воронцово.

Михаил смотрел на Марину - и не мог отвести взгляд.

- Ты... в безопасности? - спросил он. - Ты... с матерью? С братом?

Марина кивнула.

- Да, - сказала она. - Мы дома. В безопасности. Мама... она ждала. Каждый день. Каждый вечер. Каждую ночь.

Михаил закрыл глаза на секунду.

- Я рад, - прошептал он. - Я... рад, что ты дома.

Марина улыбнулась - сквозь слёзы.

- Я скучаю, - сказала она. - Каждый день. Каждую минуту. Каждую секунду.

Михаил протянул руку - и снова коснулся экрана.

- Я тоже, - прошептал он. - Больше, чем ты можешь представить.

Иван подошёл ближе.

- Марина Сергеевна, - сказал он. - Мы... продолжаем. Всё. Каждое дело. Каждое направление. Школа. Мастерская. Реабилитация. Отряд. Всё работает.

Марина кивнула.

- Я знаю, - сказала она. - Я верю в вас.

Настя подошла - тихо, осторожно.

- Мама Марина, - прошептала она. - Я... веду занятия. С детьми. Как ты учила. Я... не подвожу.

Марина улыбнулась.

- Я знаю, - сказала она. - Ты молодец. Ты... невероятная.

Москва.

Наташа посмотрела на таймер.

- Одна минута, - прошептала она. - Марина, одна минута.

Марина кивнула. Слёзы текли по её щекам - но она не стирала их.

- Михаил, - сказала она. - Скоро день рождения Виолетты. Ей исполнится семь лет. Через две недели.

Михаил поднял голову.

- Семь лет? - прошептал он. - Она... вырастает.

- Да, - Марина улыбнулась. - Она... говорит. Уверенно. Чётко. Она... невероятная.

Михаил закрыл глаза.

- Я рад, - прошептал он. - Я... рад, что она... с тобой.

Иван подошёл ближе.

- А через месяц, - сказал он, - мне исполнится пятнадцать.

Марина посмотрела на него - внимательно, тепло.

- Пятнадцать, - сказала она. - Ты... становишься мужчиной.

Иван усмехнулся - тихо, горько.

- Я стараюсь, - сказал он.

Воронцово.

Алексей посмотрел на таймер.

- Тридцать секунд, - сказал он. - Канал закроется.

Михаил кивнул. Посмотрел на Марину - долго, внимательно.

- Марина, - сказал он. - Мы... подготовим подарки. Для Виолетты. Для Павла. Для тебя. Мы... отправим их через мост.

Марина кивнула.

- И мы, - сказала она. - Мы тоже подготовим. Для Насти. Для Ивана. Для Алексея. Для тебя.

Михаил улыбнулся - тихо, чуть заметно.

- До встречи, - прошептал он.

Марина улыбнулась - сквозь слёзы.

- До встречи, - повторила она.

Москва.

Экран погас.

Марина стояла - молча, неподвижно. Слёзы текли по её щекам - но она не стирала их. Просто - чувствовала.

Наташа подошла - тихо, осторожно. Положила руку ей на плечо.

- Марин, - прошептала она. - Ты... в порядке?

Марина кивнула.

- Да, - сказала она. - Я... видела их. Я... видела его.

Наташа обняла её - крепко, отчаянно.

- Я рада, - прошептала она. - Я... рада за тебя.

Марина прижалась к ней - и заплакала. Тихо, беззвучно. От облегчения. От любви. От надежды.

Воронцово.

Кристалл погас.

Михаил стоял - молча, неподвижно.

Иван подошёл - тихо, осторожно. Положил руку ему на плечо.

- Отец, - прошептал он. - Мы... сделали это.

Михаил кивнул.

- Да, - сказал он. - Мы... увидели их. Мы... увидели её.

Алексей опустился на пол - усталый, истощённый, но счастливый.

- Три минуты, - прошептал он. - Только три минуты. Но это... больше, чем мы могли мечтать.

Настя подошла - тихо, осторожно. Прижалась к Михаилу - крепко, отчаянно.

- Папа, - прошептала она. - Мы... увидели маму Марину. Она... в порядке.

Михаил обнял её - крепко, бережно.

- Да, - прошептал он. - Она в порядке. Мы... в порядке.

Москва.

Марина сидела за столом - с планшетом в руках. Перед ней - список.

«Подарки для Воронцово».

«Для Насти: книга по реабилитации детей с особенностями. Семена лекарственных трав.»

«Для Ивана: книга по управлению и экономике.»

«Для Алексея: книга по физике и химии. Линзы для глаз.»

«Для Михаила: книги по географии Земли, политическому устройству, и карту мира. Ему было интересно. Кофе в зёрнах.»

Наташа сидела напротив - с ноутбуком.

- Марин, я нашла поставщика, - сказала она. - Семена лекарственных трав - отличного качества. Книга по реабилитации - есть в наличии.

Марина кивнула.

- Спасибо, - сказала она. - Я... я не знаю, как благодарить тебя.

Наташа улыбнулась.

- Не благодари, - сказала она. - Просто... просто будь счастлива. Это... это главное.

Воронцово.

Михаил сидел в кабинете - с пером в руке. Перед ним - список.

«Подарки для Москвы».

«Для Виолетты: Украшения из серебра. Кружевное платье.»

«Для Павла: деревянная лошадка. Деревянная карета.»

«Для Марины: серебряный медальон и шкатулку для украшений.»

Иван стоял у окна - молча, задумчиво.

- Отец, - сказал он. - Я... я хочу сделать что-то особенное. Для Виолетты. Для Марины Сергеевны.

Михаил поднял голову.

- Что именно? - спросил он.

Иван повернулся - с решимостью в глазах.

- Я хочу... передать для них цветы, - сказал он. - Розы. Белые. С розовой каймой. Те самые, что растут в нашем саду. Я... я хочу, чтобы они увидели их. Чтобы они знали, что мы... что мы ждём.

Михаил улыбнулся - тихо, тепло.

- Это... прекрасная идея, - сказал он. - Мы... сделаем это. Вместе.

Воронцово. Две недели спустя.

Алексей пришёл к отцу с тетрадью, исписанной от корки до корки.

- Время, - сказал он без предисловий. - После того как мы открыли мост, временные потоки синхронизировались.

Михаил отложил перо.

- Объясни.

- Раньше у них прошло восемь месяцев. У нас - год. Разница в четыре месяца. Но после стабилизации канала потоки выровнялись. Теперь время идёт одинаково. В обоих мирах.

Михаил нахмурился.

- Ты уверен?

- Перепроверил трижды. Сверил лунные циклы, магнитные бури, энергетические потоки. Разница - меньше секунды.

- Что это значит?

- Это значит, что мы можем планировать, - Алексей положил тетрадь на стол. - Точные даты. Точное время. И я нашёл способ удержать канал десять минут. Не три - десять. С помощью накопителей на основе кристаллов с вкраплением чёрного серебра из рудника.

Михаил взял тетрадь, открыл наугад. Мелкий, аккуратный почерк сына. Формулы, схемы, расчёты - десятки страниц.

- И ещё, - Алексей помедлил. - Я просчитал даты. Виолетте исполняется семь лет через четырнадцать дней. Мне... мне через два месяца - тринадцать. А Ивану - через двадцать восемь дней пятнадцать. Но если время синхронизировалось, и если я рассчитаю точно...

- Что?

- День рождения Виолетты и день рождения Ивана выпадут на один день. Через двадцать восемь дней. Мы сможем отпраздновать оба. Вместе. Через мост.

Михаил смотрел на сына - долго. Потом медленно кивнул.

- Десять минут?

- Десять. Может, двенадцать, если накопители выдержат.

- Тогда подготовься. Мы отпразднуем.

Воронцово. В тот же вечер.

Когда Алексей вышел из кабинета, его перехватил Иван.

- Ты уверен, что выдержат накопители? - спросил он тихо.

- Нет, - честно ответил Алексей. - Но я сделаю так, чтобы выдержали.

Иван кивнул. Положил руку ему на плечо - по-братски, крепко.

- Я помогу. Землёй. Сколько понадобится.

- Понадобится много.

- Сколько понадобится, - повторил Иван.

Москва. Через несколько дней после первого сеанса.

Валентина Ивановна не отпустила их сразу спать. Она суетилась на кухне, доставала из шкафа праздничную скатерть - ту самую, в цветочек, которую берегла для особых случаев, ставила чайник, резала хлеб. Руки её дрожали, но движения были уверенными, привычными - так делают женщины, которые всю жизнь держали дом на своих плечах.

- Я испекла торт, - сказала она вдруг, вытирая руки о фартук. - Медовик. С орехами. Для Ивана.

Марина замерла с чашкой в руках.

- Для Ивана?

- Для твоего Ивана, - мама улыбнулась - тихо, чуть виновато. - Виолетта рассказала мне, пока вы спали. Что у него через месяц день рождения. Пятнадцать лет. Я подумала... он же там один. С отцом. Без матери. Без торта на день рождения. Я... я не могу его испечь и передать. Но я могу испечь здесь. И... и показать ему. Через твою штуку. Через кристалл.

Марина посмотрела на дочь. Виолетта сидела на стуле, болтая ногами, и кивнула - серьёзно, по-взрослому.

- Я бабуш-ке расска-за-ла, - сказала она. - Про Ива-на. Про Але-ксе-я. Про Настю. Что они то-же без ма-мы. Что им грус-но.

Мама подошла, опустилась на корточки перед внучкой, взяла её лицо в ладони.

- Ты умница, моя хорошая. Спасибо тебе.

Виолетта прижалась к её щеке. И в сознании Марины вспыхнул образ - тёплый, мягкий: *бабушкины руки, запах мёда, ощущение, что всё будет хорошо.

Торт получился на славу - высокий, золотистый, с кремом, который мама взбивала вручную, потому что миксер сломался ещё год назад, а новый купить не было денег. Сверху она написала глазурью, выдавленной из бумажного кулёчка: «С днём рождения, Иван!» Буквы вышли кривоватыми, но от этого торт стал только роднее.

Когда стемнело, Марина позвонила Наташе.

- Наташ, можно к тебе? Сегодня. Нам нужен кристалл.

- Конечно, - ответила подруга без лишних вопросов. - Я уже догадалась, что вам понадобится. Приезжайте.

Москва. Подвал Наташи.

В подвале у Наташи было тепло и пахло кофе. Кристалл уже стоял на столе - медный диск с рунами, которые Алексей вырезал сам, янтарный стазис внутри. Наташа настроила оборудование, проверила частоту.

- Сегодня убывающая луна, пик через двадцать минут, - сказала она. - Канал будет стабильный. Можете говорить долго.

Марина кивнула. Мама стояла рядом, прижимая к груди поднос с тортом, и смотрела на кристалл с тем самым выражением, которое бывает у людей, впервые сталкивающихся с магией, - смесь благоговения и осторожности.

Виолетта подошла к кристаллу, положила ладонь на янтарь. Закрыла глаза.

- Я по-зову, - сказала она. - Они уже там.

Кристалл вспыхнул - ровным, голубоватым светом. Воздух в подвале дрогнул, пахнуло озоном и берёзовой золой. И на тонкой серебряной пластине, которую Наташа установила рядом с кристаллом, появились буквы. Медленные, чуть дрожащие - Михаил печатал одним пальцем, привыкая к чужому устройству.

«Марина. Слышу. Жду.»

Марина набрала ответ:

«М. Мы дома. Мама испекла торт для Ивана. На пятнадцать лет. Можно позвать его? И тебя. И детей.»*

Пауза. Секунд пять. Потом:

«Да. Зови.»

Иван появился на пластине первым. Четырнадцать лет - почти пятнадцать, широкие плечи, серьёзное лицо, в простом тёмном сюртуке. Он стоял чуть в стороне, не решаясь подойти ближе, и смотрел на изображение с тем самым напряжённым вниманием, которое бывает у людей, не привыкших к чудесам.

Потом подошёл Алексей - двенадцать лет, худой, угловатый, с вечно растрёпанными волосами. Он сразу прищурился, разглядывая подвал Наташи, оборудование, провода.

- Это... - начал он, и в его голосе прозвучал восторг исследователя. - Это их мир? Где нет магии?

- Да, - сказала Марина. - Это Москва. Моя родина.

Настя появилась последней - бледная, тихая, в простом платье. Она остановилась у края пластины, посмотрела на Марину, на Виолетту, на Павла, который спал у неё на руках, и - на женщину с седыми волосами, которая стояла рядом с подносом.

- Это... ваша мама? - тихо спросила она у Марины.

- Да, - Марина кивнула. - Моя мама. Ваша бабушка.

Настя замерла. В её глазах блеснули слёзы.

Валентина Ивановна сделала шаг вперёд. Положила поднос с тортом на край стола - так, чтобы его было видно на пластине.

- Здравствуйте, - сказала она. Голос её дрогнул, но она справилась. - Меня зовут Валентина Ивановна. Я... я ваша бабушка. По-настоящему. Не по крови - но по сердцу. Я знаю, что вы росли без матери. Я знаю, каково это. У меня тоже... у меня тоже муж умер рано. И я одна растила Марину и Игоря. Я понимаю вас.

Иван выпрямился. Посмотрел на неё - внимательно, оценивающе. Потом медленно, с тем самым графским достоинством, которое он унаследовал от отца, поклонился.

- Здравствуйте, Валентина Ивановна, - сказал он. - Спасибо вам. За торт. За... за всё.

Алексей подошёл ближе, разглядывая торт.

- Это медовик? - спросил он. - У нас Матрена печёт похожий. Только она орехи не кладёт.

- Кладу, - мама улыбнулась. - Грецкие. Рубленые. Между коржами. И сверху. Если хочешь, я расскажу, как.

Алексей кивнул - серьёзно, как взрослый.

- Пожалуйста. Я... я хочу научиться.

Настя всё ещё стояла у края пластины. Она смотрела на Валентину Ивановну - на её морщинистое лицо, на седые волосы, на руки, которые дрожали - и вдруг тихо, почти шёпотом, сказала:

- Вы... вы добрая.

Мама подошла к пластине. Протянула руку - медленно, осторожно, словно боясь спугнуть.

- Иди ко мне, милая, - прошептала она. - Иди.

Настя сделала шаг. Потом ещё один. И прижалась щекой к пластине - туда, где была рука Валентины Ивановны.

И в этот момент - Марина почувствовала это - что-то дрогнуло в воздухе. Не магия. Не физика. Что-то большее. Что-то, что связывает людей через расстояния, через миры, через время.

Виолетта открыла глаза. Посмотрела на мать. Её пальцы сложились в жест: «Они - наши. Теперь - наши.»

Игорь вошёл, когда чаепитие было в разгаре. Он остановился в дверях, увидев кристалл, пластину, четверых детей по ту сторону - и замер.

- Это... - начал он.

- Игорь, - Марина позвала его. - Иди. Познакомься. Это Иван. Это Алексей. Это Настя. Мои... наши дети. Твои племянники и племянница.

Игорь подошёл медленно, осторожно. Посмотрел на Ивана - на его серьёзное лицо, на широкие плечи, на отцовскую осанку.

- Привет, - сказал он. - Я Игорь. Твой... дядя. По-настоящему.

Иван посмотрел на него - долго, внимательно. Потом кивнул.

- Здравствуйте, дядя Игорь.

Игорь усмехнулся - тихо, чуть смущённо.

- Просто Игорь, - сказал он. - У нас не принято по «вы».

- Хорошо, - Иван усмехнулся в ответ. - Дядя Игорь.

Алексей уже вовсю расспрашивал Наташу про оборудование - про провода, про генератор, про то, как работает электричество. Наташа стояла рядом с ним, показывала, объясняла - и в её глазах горел тот самый огонь исследователя, который бывает у людей, впервые открывающих для себя новый мир.

Настя всё ещё прижималась щекой к пластине. Валентина Ивановна гладила её по волосам - через расстояние, через миры, через всё.

- Ты красивая, - сказала мама тихо. - Как твоя мать. Как Екатерина.

Настя подняла глаза.

- Вы... вы знали мою маму?

- Нет, - мама покачала головой. - Но я знаю, каково это - расти без неё. И я знаю, что она тебя любила. По-настоящему. Даже если не могла показать.

Настя заплакала. Тихо, беззвучно. И в этот момент - Виолетта подошла к ней, обняла, прижалась щекой к её щеке. И в сознании Насти вспыхнул образ - тёплый, мягкий: мама, которая любит. Всегда. Даже если далеко.

Павел проснулся - от шума, от голосов, от запахов. Он потёр глаза, посмотрел на пластину - и увидел там Ивана, Алексея, Настю.

- Ваня! - закричал он. - Ле-се-й! На-стя!

Иван улыбнулся - впервые за вечер. По-настоящему.

- Привет, Паша, - сказал он. - Как ты?

- Хо-ло-шо! - Павел потянулся к пластине. - Ты... ты при-е-дешь?

Иван замер. Посмотрел на отца, который стоял в стороне, молча наблюдая за происходящим. Потом - на Марину. Потом - снова на Павла.

- Я... я не знаю, - сказал он тихо. - Но я буду ждать. Всегда.

Павел нахмурился. Подумал. Потом кивнул - серьёзно, по-взрослому.

- Хо-ло-шо. Я то-же бу-ду ждать.

Когда сеанс закончился - когда кристалл погас, когда дети разошлись по своим комнатам, когда мама уложила Павла и Виолетту спать - Марина осталась на кухне с Игорем.

- Ну, - сказал он, наливая себе чай. - Это было... странно.

- Да, - Марина улыбнулась. - Но хорошо?

- Хорошо, - он кивнул. - Очень. Я... я не думал, что так будет. Я думал - они будут чужие. А они... они свои.

- Они и есть свои, - Марина посмотрела на него. - Они - наша семья. Теперь.

Игорь помолчал. Потом тихо сказал:

- Знаешь, Марин... я горжусь тобой. Ты... ты прошла через такое. И не сломалась. И... и нашла их. И... и нас. Всех.

Марина посмотрела на брата. В её глазах блеснули слёзы.

- Спасибо, Игорёк, - прошептала она. - За всё. За то, что ждал. За то, что не сдался.

- Я бы никогда не сдался, - он пожал плечами. - Ты же моя сестра.

Они сидели молча. Пили чай. Смотрели в окно - на тёмный сад, на звёзды, на мир, который наконец-то стал их.

И Марина чувствовала - что-то изменилось. Не в доме. Не в мире. В ней.

Она больше не была одна.

Она была - дома.

Через двадцать восемь дней.

Воронцово. Подвал башни. 20:58.

Кристалл в подвале башни сиял не голубоватым, не золотистым, а белым - чистым, ровным, стабильным. Накопители из чёрного серебра, вставленные в медный диск по схеме Алексея, гудели низким, почти неслышимым звуком.

На этот раз в подвале было пятеро. Михаил, Иван, Алексей, Настя и Пётр Фёдорович - дядя Алексея, который пришёл не как лекарь, а как свидетель. Он стоял у стены, скрестив руки на груди, и молча наблюдал. Михаил всё-таки рассказал ему всё. И Пётр Фёдорович был благодарен Марине за племянника и за вновь обретённую семью.

- Две минуты до открытия, - Алексей проверил показания. - На той стороне Наташа подтвердила готовность. Канал откроется ровно в 18:00 по их времени, 21:00 по нашему. Длительность - двенадцать минут.

Михаил кивнул. Он был спокоен. Собран. На столе за его спиной стояли подарки - аккуратно упакованные, перевязанные лентами.

- Начинаем.

Москва. Подвал Наташи. 17:58.

Экран смартфона Марины вспыхнул белым светом - и на этот раз изображение было чистым. Не размытым. Не дрожащим. Чётким, как фотография.

- Слышу, - сказал Алексей, и его голос - впервые - прозвучал из динамика без помех. - Слышу чисто. Вижу чисто.

- И мы вас, - Марина стояла перед камерой. Рядом - Виолетта в новом платье, с бантом в волосах. Павел на руках у Игоря. И чуть позади - Валентина Ивановна, маленькая, в вязаном платке, с глазами, полными слёз.

- С днём рождения, Виолетта, - Михаил смотрел в камеру, и его голос был ровным, твёрдым, но в нём звучало тепло, которого не было раньше. - Тебе семь лет. Ты - самая храбрая девочка из всех, кого я знаю.

Виолетта шагнула к экрану.

- Спасибо, - сказала она чётко, уверенно, без прежних пауз. - Я слы-шу тебя. Вижу.

- А тебе, Иван, - Марина смотрела на старшего брата, на его отцовский подбородок, на его серьёзные, взрослые глаза. - Пятнадцать. Ты становишься мужчиной.

Иван усмехнулся - чуть заметно, но по-настоящему.

- Я стараюсь, - сказал он.

- Ты уже стал, - ответила она.

Потом началось то, ради чего Алексей не спал три недели.

Подарки. Не через курьера. Не по почте. Через мост.

Алексей настроил накопители - переключил кристалл в режим передачи материи. Пластина из чёрного серебра нагрелась, воздух в подвале дрогнул, и на столе перед кристаллом, прямо из воздуха, появился свёрток - аккуратный, перевязанный лентой.

Настя ахнула. Пётр Фёдорович выпрямился.

- Получено, - выдохнул Алексей.

На той стороне - то же самое. Наташа нажала кнопку, и из кристалла в подвале на Рублёвке материализовался первый подарок из Воронцово.

Марина развернула свёрток. Внутри - серебряный медальон, тонкой, ювелирной работы, с выгравированным цветком шиповника. И записка почерком Михаила:

«Чтобы ты носила у сердца то, что близко сердцу.»

Михаил на той стороне держал в руках книгу - толстую, в глянцевой обложке. «География Земли. Политическое устройство. Карта мира». Он открыл наугад - на странице была цветная фотография океана. Он провёл пальцем по изображению воды, словно не веря, что в мире Марины есть столько воды сразу.

- Кофе, - он поднял голову к камере, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку. - Ты снова прислала кофе.

- Ты же полюбил эспрессо, - Марина улыбнулась.

- Я полюбил многое, чего раньше не знал, - он посмотрел на неё - прямо, открыто. - Не только кофе.

Валентина Ивановна стояла чуть в стороне, глядя на экран. Она видела мужчину - графа, генерала, мага - и не могла отвести взгляд. Не от страха. От узнавания. В его глазах было то же, что она видела в глазах своей дочери, когда Марина впервые заговорила о Воронцово. Любовь. Тихая, глубокая, терпеливая.

- Мама, Игорь - Марина обернулась. - Познакомьтесь. Это Михаил Иванович. Граф Воронцов.

Михаил посмотрел в камеру - на маленькую женщину в вязаном платке. Он знал о ней. Марина рассказывала. Женщина, которая вырастила дочь одна, после того как муж замёрз в сугробе. Женщина, которая ждала восемь месяцев, не зная, жива ли её дочь.

- Валентина Ивановна, - сказал он тихо, с тем уважением, с которым обращаются к матери человека, которого любят. - Я... знаю о вас. Марина рассказывала. Вы... вырастили дочь, которая спасла мой дом. Я... благодарен вам.

Валентина Ивановна молчала секунду. Потом шагнула к камере.

- Михаил Иванович, - сказала она - тихо, но твёрдо, голосом женщины, которая пережила всё и не боится ничего. - Вы... позаботитесь о ней? Там, где вы?

- Да, - он кивнул. - Я забочусь. И буду заботиться. Всегда.

- Тогда, - она выдохнула, и слёзы потекли по её щекам, - тогда я спокойна. Я ждала, что кто-нибудь... будет. Я рада, что это вы.

Игорь стоял рядом с сестрой, скрестив руки на груди. Он смотрел на Михаила - оценивающе, по-мужски, без лишних слов.

- Граф, - сказал он. - Вы - сильный. Я вижу. Но помните - она моя сестра. Если что-то...

- Игорь, - Марина тронула его за рукав.

Но Михаил поднял руку - останавливая.

- Правильно, - сказал он, глядя Игорю прямо в глаза. - Вы - её брат. Вы должны говорить это. И я - должен слышать. Она - не одна. Она никогда больше не будет одна. Это - моё обещание.

Игорь смотрел на него - долго. Потом медленно кивнул.

- Ладно, - сказал он. - Ладно, граф.

Настя подошла к экрану, держа в руках письмо - лист пергамента, исписанный её аккуратным, детским почерком.

- Виолетта, - сказала она, прижимая письмо к камере. - Я написала. Для тебя. Про нас. Про сад. Про школу. Про то, как мы скучаем.

Виолетта протянула руку - и через мост, через миры, через пространство, письмо Насти материализовалось на столе рядом с Мариной. Маленькая, дрожащая рука шестилетней девочки коснулась пергамента.

- Спаси-бо, Настя, - прошептала она. - Я буду читать.

Павел, сидевший на руках у Игоря, вдруг потянулся к экрану.

- Па-па! - сказал он, глядя на Михаила. - Па-па Ми-ша!

Михаил замер. Граф, генерал, маг - замер, как мальчик, впервые увидевший чудо.

- Паша, - прошептал он. - Ты... помнишь меня?

Павел кивнул - уверенно, радостно.

- Па-па! Ва-да!

И - вода в стакане на столе рядом с Мариной поднялась тонкой струйкой, закрутилась маленьким водоворотом и опустилась обратно.

На той стороне экрана Иван ахнул. Алексей широко раскрыл глаза. Пётр Фёдорович выпрямился, словно его ударило током.

- Он... он маг? - прошептал Пётр Фёдорович. - В том мире? Где нет магии?

Михаил смотрел на Павла - и в его глазах было то, чего не было никогда. Не гордость. Не удивление. А - покой. Покой человека, который наконец понял: магия - не в мире. Магия - в крови. В детях. В любви. И она не исчезает при переходе. Она адаптируется. Меняется. Но остаётся.

- Да, - сказал он тихо. - Он маг. И он - дома. В обоих мирах.

Таймер мигнул. Десять минут. Осталось две.

- Время, - тихо сказал Алексей.

Михаил кивнул. Подошёл ближе к камере.

- Марина. Мы продолжим работу. Алексей уже рассчитывает следующую частоту. Мы увеличим время. И однажды... однажды мы пройдём. Не посылки. Не письма. Мы сами.

- Я знаю, - она смотрела на него. - Я чувствую.

- Мы... отправим розы, - Иван подошёл, держа в руках корзину белых цветов с розовой каймой. - Через мост. Чтобы они росли в вашем саду.

- А мы отправим вам саженцы, - Марина улыбнулась. - Лекарственные травы. И семена. Чтобы они росли в вашем.

- Чтобы в обоих садах цвело одно и то же, - тихо сказала Настя.

- Да, - кивнула Марина. - Одно и то же.

Экран мигнул. Изображение начало таять.

- До встречи, - прошептал Михаил.

- До встречи, - повторила она.

Экран погас.

Тишина в подвале длилась долго. Потом Настя подошла к столу - туда, где стояла корзина с саженцами, которые только что прибыли из мира, где «магии нет».

Михаил стоял у кристалла, глядя на погасшую пластину. Он не плакал. Не улыбался. Он просто стоял - и чувствовал, как что-то внутри него, что болело три месяца, наконец начало заживать. Не потому что рана исчезла. А потому что мост - настоящий, живой, работающий мост - превратил ожидание из пытки в надежду.

Пётр Фёдорович подошёл к нему. Положил руку на плечо - по-братски, как равный равному.

- Граф, - тихо сказал он. - Я сегодня видел то, чего не видел за всю свою жизнь. Я видел, как любовь пробивает стены между мирами. Я... не понимаю, как это работает. Но я вижу - это работает.

- Спасибо, Пётр, - Михаил обернулся. - За то, что ты здесь.

- Я здесь, - Пётр Фёдорович кивнул. - Потому что моя сестра умерла, отдав жизнь за сына, который стоит в этом подвале и строит мосты между мирами. Я здесь - потому что это моя семья. И я никуда не уйду.

Алексей поднял голову. Посмотрел на дядю - на лицо, похожее на портрет матери. И впервые за долгое время - позволил себе почувствовать не только долг, не только ответственность, не только работу. А просто - благодарность. За то, что он не один.

- Дядя Пётр, - тихо сказал он. - Спасибо.

- Не за что, племянник, - Пётр Фёдорович сжал его плечо. - Мы делаем это вместе. Как семья.

Наверху, в саду Воронцово, в ту же ночь Михаил посадил саженцы, которые пришли из мира Марины. Лекарственные травы. Он сажал их рядом с теми, что росли здесь веками. Чужие - рядом с родными. Новые - рядом со старыми.

А в Москве, в саду у дома Наташи, Марина сажала розы из Воронцово. Белые, с розовой каймой.

Два мира. Два сада.

Потому что мост, который построили не магия и не техника, а любовь, надежда и упорство двенадцатилетнего мальчика, - работал. И он будет работать. Долго. Пока нужно.

Пока однажды по нему не пройдут не посылки. Не письма. Не цветы.

А люди.

Живые, настоящие, любящие - люди.

Глава 5. Тени и свет

Воронцово.

Подвал башни ещё дрожал от остаточной магии, когда Михаил Иванович опустился на деревянную скамью у стены. Его руки дрожали — не от усталости, а от того, что внутри него что-то наконец-то отпустило. Последние несколько месяцев он нёс этот груз — вину перед детьми, боль потери, страх, что трещина не откроется никогда. И вот сейчас, после двенадцати минут видеосвязи, после того как он увидел Марину, Виолетту, Павла — живых, настоящих, улыбающихся — он почувствовал, как камень, давивший на грудь, треснул.

— Они в порядке, — прошептал он, скорее для себя, чем для остальных. — Они в безопасности.

Иван стоял у кристалла, положив ладонь на тёплый янтарь. Его лицо было серьёзным, но в глазах — что-то новое. Не та стальная сосредоточенность, которую он носил месяцами, а что-то мягче. Надежда.

— Марина Сергеевна улыбалась, — тихо сказал он. — Она смеялась, когда Павел облил морсом стол.

Алексей сидел на полу, прижав к себе блокнот с расчётами. Его глаза были красными от напряжения, но он улыбался — впервые за долгое время по-настоящему, широко, по-детски.

— Я всё записал, — сказал он. — Каждую секунду. Частоту, длительность, магический фон. Теперь я могу рассчитать следующий сеанс, усилить его.

Настя подошла к отцу, положила голову ему на плечо.

— Папа, — прошептала она. — Мы их увидим снова?

— Да, — он обнял её, прижал к себе. — Обязательно.

На следующий день Воронцово проснулось другим.

Слуги заметили это сразу — граф вышел к завтраку не в хмуром молчании, а с лёгкой улыбкой. Иван не хмурился над отчётами, а что-то напевал себе под нос, проверяя отчеты. Алексей спустился к завтраку с блокнотом, но не уткнулся в расчёты, а начал рассказывать отцу про новые идеи по стабилизации якоря. Настя смеялась — тихо, но искренне, впервые за месяцы.

Матрена, старая кухарка, перекрестилась на кухне, когда ей рассказали.

— Слава богу, — прошептала она. — Дом ожил.

Пётр Фёдорович пришёл в подвал башни после обеда.

Он нёс с собой кожаную сумку, полную трав, книг и странных инструментов — ступок, склянок, медных трубок. Алексей сидел за столом, окружённый пергаментами, и что-то чертил, нахмурив брови.

— Опять не спишь? — тихо спросил дядя Пётр, ставя сумку на край стола.

— Не могу, — Алексей поднял голову. — Я пытаюсь понять, как усилить канал.

Пётр Фёдорович пододвинул стул, сел рядом. Посмотрел на схемы.

— Покажи.

Алексей объяснил — быстро, сбивчиво, увлечённо. Про магические потоки, про лунные фазы, про биологические якоря. Пётр Фёдорович слушал внимательно, иногда кивая, иногда задавая вопросы — короткие, точные, как у человека, который привык разбираться в травах и их свойствах.

— Вот здесь, — он указал на схему. — Ты используешь только магию огня отца и магию земли Ивана. Но есть ещё воздух. И вода. И... — он помедлил. — И целительство.

Алексей поднял бровь.

— Целительство?

— Да, — Пётр Фёдорович открыл сумку, достал маленькую склянку с тёмной жидкостью. — Это экстракт из нитей серебра с рудника. Он стабилизирует магический фон. Если добавить его в кристалл — канал станет ровнее. Дольше.

Алексей посмотрел на склянку — с интересом, с сомнением.

— Вы правда думаете, что это сработает?

— Не думаю, — Пётр Фёдорович улыбнулся. — Знаю. Я лекарь, Алексей. Я всю жизнь работаю с потоками. С энергией. С тем, что течёт через тело и через землю. Магия — это не только огонь и воздух. Это ещё и жизнь. И смерть. И исцеление.

Он поставил склянку на стол рядом с кристаллом.

— Давай попробуем. Сегодня вечером. Когда луна будет выше.

Они работали до глубокой ночи.

Пётр Фёдорович показал Алексею то, чего мальчик не знал — как чувствовать магические потоки не через магию, а через тело. Как слушать землю, как слышать воду, как ощущать жизнь в травах и камнях.

— Вот здесь, — он положил ладонь на кристалл. — Чувствуешь? Это пульс. Как сердце. Кристалл — живой. Он дышит. Если ты будешь работать с ним как с механизмом — он даст тебе механизм. Если будешь работать с ним как с живым существом — он даст тебе больше.

Алексей закрыл глаза, положил руку рядом с дядиной. И — почувствовал. Тонкую, тёплую вибрацию. Как дыхание. Как сердцебиение.

— Я чувствую, — прошептал он.

— Хорошо, — Пётр Фёдорович кивнул. — Теперь добавь свою магию. Не силу. Не направление. Просто — присутствие. Как рука, которая держит другую руку.

Алексей направил тонкую нить магии в кристалл. И — кристалл откликнулся. Янтарь вспыхнул ровным, тёплым светом. Гул стал мягче. Стабильнее.

— Вот, — Пётр Фёдорович улыбнулся. — Теперь — дольше. Гораздо дольше.

На следующий день Пётр Фёдорович пришёл к завтраку.

Он сел рядом с Алексеем — не как гость, не как лекарь, а как часть семьи. Иван пододвинул ему хлеб. Настя налила чай. Михаил кивнул — коротко, но тепло.

— Я хочу помочь, — сказал Пётр Фёдорович. — С якорем. С каналом. Я не маг, как вы. Но я лекарь. Я умею работать с потоками. С энергией. Я могу помочь Алексею.

Михаил посмотрел на него — долго, внимательно. Потом кивнул.

— Спасибо, Пётр. Мы... мы рады, что вы здесь.

Пётр Фёдорович улыбнулся — тихо, чуть заметно.

— Я тоже рад. Я... я чувствую, что это мой дом тоже. Что это моя семья.

Иван положил ему руку на плечо — коротко, по-мужски.

— Так и есть, дядя Пётр. Так и есть.

Вечером они снова работали в подвале.

Пётр Фёдорович показал Алексею, как использовать травы для стабилизации магического фона. Как слушать кристалл, как чувствовать его пульс, как работать с ним не как с механизмом, а как с живым существом.

— Вот здесь, — он указал на схему. — Ты пытаешься контролировать поток. Но поток — это не река, которую можно направить плотинами. Это дыхание. Его нужно чувствовать. Слушать. Идти с ним, а не против него.

Алексей кивнул — сосредоточенно, внимательно. Он понимал. Впервые за долгое время он понимал не только головой, но и сердцем.

— Спасибо, дядя Пётр, — тихо сказал он. — За всё.

Пётр Фёдорович положил руку ему на плечо.

— Не за что, племянник. Я... я рад, что могу помочь. Что могу быть рядом. Что могу... — он помедлил. — Быть частью этого.

Алексей посмотрел на него — и увидел в его глазах то, что видел в глазах отца, Ивана, Насти. Тёплое, тихое, настоящее. Признание. Принятие. Любовь.

— Вы и есть часть этого, — сказал он. — Вы — наша семья.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо вам всем.

На следующей неделе они провели второй сеанс связи.

На этот раз — двадцать минут. Не три. Не десять.

Марина рассказала про маму, про Игоря, про Наташу. Про то, как Виолетта впервые увидела снег в её мире — и заплакала от восторга. Про то, как Павел научился управлять водой в ванне — и устроил настоящий фонтан.

Михаил рассказал про школу, про мастерскую, про отряд разведчиков. Про то, как Иван научился играть в шахматы. Про то, как Алексей работает над якорем. Про то, как Настя начала смеяться.

Они говорили быстро, сбивчиво, увлечённо. Как люди, которые не виделись годами — хотя прошло всего несколько месяцев. Как люди, которые боятся упустить каждую секунду.

Когда сеанс закончился — когда кристалл погас, когда экран потух — в подвале башни повисла тишина. Не тяжёлая, не давящая. А тёплая. Живая. Полная надежды.

— Мы справимся, — тихо сказал Михаил.

Иван кивнул.

— Да, — сказал он. — Обязательно.

Алексей посмотрел на дядю Петра.

— Спасибо, — прошептал он. — Без вас... без вас мы бы не справились.

Пётр Фёдорович положил руку ему на плечо.

— Мы — семья, — сказал он. — А семья — не сдаётся.

И в этот момент — в этом тёмном, сыром подвале, среди кристаллов и пергаментов, среди трав и склянок — они почувствовали это. Не страх. Не боль. Не тоску. А что-то другое. Что-то тёплое, живое, настоящее.

Надежду.

И этого — было достаточно.

Москва.

После успешного сеанса связи все остались ночевать у Наташи. Делились эмоциями, радостью. А утром поехали домой. Москва встретила их серым, мокрым утром. Небо было низким, тяжёлым, с облаками, которые цеплялись за верхушки деревьев, словно не хотели отпускать землю. Воздух пах не сосновой смолой и древесной золой, а выхлопными газами, мокрым асфальтом и чьим-то жареным луком из открытого окна. Этот мир был серым, бетонным, быстрым. Но для Марины он был — домом.

Реабилитационный центр «Точка Равновесия». Не первый — в регионах её центры уже работали успешно, открытые ещё до ее поездки на "Реабилитацию", когда она только начала выбираться из золотой клетки Берсеневых. Но этот был особенный. Столичный. Флагманский.

Грант от Минпроса был получила без труда — её региональные центры показали отличные результаты, методики работали, дети прогрессировали. Министерство увидело в московском проекте возможность масштабирования успешной модели. Субсидия от города — тоже. Частные пожертвования — Наташа собрала приличную сумму через свои связи. И именно этот успех стал толчком для дальнейшего развития. Особенным детям нужны особые условия для получения образования. Виолетте исполняется семь лет и вопрос образования вставал остро. Общеобразовательная школа предлагала индивидуальное обучение на дому, а специализированную школу -интернат Марина даже рассматривать не стала. Если обучение индивидуальное как решать вопрос социализации таких детей ? Одного центра реабилитации мало. Нужно продумывать дальнейший путь интеграции. И день рождения Виолетты они решили отпраздновать именно здесь, в этом центре

Виолетте исполнилось семь лет.

Она проснулась с ощущением, что сегодня — особенный день. Не потому что кто-то сказал. А потому что внутри неё что-то изменилось. Как будто воздух стал теплее, светлее, живее.

Она открыла глаза, посмотрела в потолок. Магический светильник не горел — в этом мире не было магических светильников. Но сквозь портьеры пробивался неоновый свет уличных фонарей, и на потолке играли мягкие тени от листвы, которую трогал ветер.

— Мама, — прошептала она.

Марина открыла глаза мгновенно. Она спала чутко — привычка, которая осталась после жизни с Артуром, после ночей, когда нельзя было знать, когда придёт удар.

— Что случилось?

— Сегодня мой день рождения?

Марина улыбнулась.

— Да, солнышко. Сегодня. Тебе семь лет.

Виолетта улыбнулась в ответ. Тихо, чуть заметно, но по-настоящему.

— Хорошо.

Центр был украшен с утра. Воздушные шары — голубые, розовые, жёлтые — висели под потолком, покачиваясь от лёгкого сквозняка. На столах — скатерти в горошек, тарелки с пирожными, кувшины с соком. В углу — торт. Большой, круглый, с семью свечами.

Дети начали собираться с десяти. Те, кто приходил на занятия. Те, кто был «особенным». Мальчики и девочки лет от пяти до двенадцати. Некоторые — робко, прячась за матерей. Некоторые — смело, с любопытством оглядываясь. Все — с глазами, полными надежды.

Виолетта стояла рядом с Мариной. В простом розовом платье, волосы заплетены во французскую косу. В руках — деревянная птица, которую ей подарил Иван в Воронцово. Та самая, с серебряной инкрустацией.

— Не бойся, — тихо сказала Марина. — Они все — твои друзья.

Виолетта кивнула. Посмотрела на детей — на их лица, на их глаза, на их руки, которые сжимали игрушки, подарки, цветы.

— Я не боюсь, — сказала она. — Я чувствую. Они — хорошие.

Первым подошёл Артём. Семь лет, тяжёлая форма аутизма, сенсорная перегрузка, не говорит, не смотрит в глаза, бьёт себя по голове, когда громко. Его мать — Ольга, молодая женщина с красными от бессонницы глазами — стояла рядом, держала его за руку, но он вырывался, качался, бормотал что-то своё, непонятное.

Виолетта подошла — не вплотную. Остановилась в метре. Села на пол — рядом, но не касаясь. Не заговаривала. Просто — была. Виолетта — сидела. Молча. Рядом. Не смотрела на Артёма прямо — смотрела в сторону, на стену, на пол. Не тянулась к нему. Просто — была. И через минуту — Артём перестал качаться. Медленно, осторожно, он повернул голову. Посмотрел на Виолетту — не в глаза, а — на её руку. На её платье. На её косу. Потом — медленно, неуклюже — придвинулся ближе. Сел рядом. Не касаясь. Но — рядом. Потом начали присоединяться другие дети. Артем настораживался но взглянув на Виолетту расслаблялся. Виолетта сидела на полу в сенсорной комнате, окружённая тремя детьми. Артём — рядом, прижавшись плечом. Девочка лет пяти — Лиза, которая пряталась за матерью, — теперь сидела напротив, играла с камешками, которые Виолетта принесла с собой (гладкие, тёплые, с валуна из Воронцово). Мальчик лет восьми — Миша, который не говорил, но понимал всё, — смотрел на Виолетту, повторял её движения, её жесты.

Родители стояли в дверях — молча, с изумлением, со слезами на глазах. Потому что видели — своими глазами — как их дети, которые обычно прятались, кричали, бились в истериках, — теперь сидят спокойно, тихо, рядом с маленькой девочкой, которая не говорит с ними словами, но говорит — чем-то другим. Чем-то, что важнее слов.

Потом — подарки.

Дети подходили по одному. Дарили то, что принесли. Рисунки. Игрушки. Цветы.

Мальчик лет восьми — принёс лошадку, слепленную из соленого теста. Кривую, с одним ухом больше другого.

— Это — тебе, — сказал он. — Чтобы — играла.

Виолетта взяла лошадку. Улыбнулась.

— Спасибо.

Девочка лет десяти — принесла тряпичную куклу. С волосами из ниток. С платьем из лоскутков.

— Это — тебе, — сказала она. — Чтобы — не скучала.

Виолетта взяла куклу. Прижала к груди.

— Спасибо.

Потом — подарки из Воронцово.

Марина достала сундучок. Открыла. Внутри — деревянные игрушки. Лошадка. Карета. Птица. Тряпичная кукла. Всё — ручной работы. Всё — от Ивана, Алексея, Насти.

Виолетта взяла деревянную птицу. Ту самую, с серебряной инкрустацией. Прижала к груди.

— Это — от Ивана, — прошептала она. — Я чувствую.

Марина кивнула.

— Да. Он сделал её для тебя.

Потом — серебряные украшения. Маленькие, тонкие, с гравировкой. Браслет. Кулон. Серьги.

— Это — от Алексея, — сказала Марина. — Он сам их сделал.

Виолетта взяла браслет. Надела на руку. Посмотрела на него — долго, внимательно.

— Спасибо, — прошептала она. — Я буду беречь.

Потом — травы. Сушёные, запечатанные в маленькие мешочки. Чабрец. Мята. Ромашка.

— Это — от Насти, — сказала Марина. — Она говорит, что они лечат.

Виолетта взяла мешочек с чабрецом. Понюхала.

— Пахнет, как дома, — прошептала она.

Марина улыбнулась.

— Да. Как дома.

Вечером, когда дети разошлись, когда родители забрали своих, когда центр опустел, Марина и Виолетта остались одни.

Виолетта сидела на полу, перебирала подарки. Деревянную лошадку. Тряпичную куклу. Деревянную карету. Серебряный браслет. Мешочек с травами.

— Мама, — тихо сказала она.

— Что, солнышко?

— Было хорошо, волшебно.

Марина опустилась на корточки перед ней.

— Это ты, радость моя, это ты особенная. Ты — сделала этот день волшебным.

Виолетта улыбнулась. Тихо, чуть заметно, но по-настоящему.

— Я люблю тебя, мама.

— Я тоже тебя люблю, — Марина обняла её. — Больше жизни.

Они вернулись домой поздно. Мама пошла отдыхать. Игорь — тоже. Квартира была тихой, тёмной, уютной.

Марина уложила Виолетту в кровать. Укрыла одеялом. Поцеловала в лоб.

— Спи, солнышко. Завтра будет новый день.

Виолетта кивнула. Закрыла глаза.

Марина вышла, закрыла за собой дверь. Пошла в свою комнату. Легла. Закрыла глаза.

Но сон не шёл.

Ночью — Виолетта проснулась.

Она открыла глаза, посмотрела в потолок. Светильник не горел. Но сквозь портьеры пробивался свет уличных фонарей.

Она закрыла глаза. Прислушалась.

И — почувствовала.

Не маму. Не бабушку. Не дядю Игоря. Не тётю Наташу.

А — его.

Того же. Тёмного. Холодного. Злого.

Того, кого она чувствовала ещё в Воронцово. Перед их уходом. Того, кто плёл паутину. Того, кто готовил месть.

Он был там. В Воронцово. Сейчас.

И он — смотрел. На них. На Михаила. На Ивана. На Алексея. На Настю.

Он — ждал.

Виолетта открыла глаза. Села на кровати. Посмотрела в темноту.

— Мама, — прошептала она.

Марина открыла глаза мгновенно.

— Что случилось?

Виолетта посмотрела на неё — долго, внимательно. В её глазах — не страх. Не паника. А — принятие. То самае, которое появляется, когда человек понимает: выбора нет. Есть только путь. И он — правильный.

— Мама, — тихо сказала она. — Он там.

— Кто?

— Тот же. Тёмный человек. Который плёл паутину. Который готовил месть. Он — в Воронцово. Сейчас.

Марина замерла. Сердце забилось чаще.

— Что он делает?

Виолетта закрыла глаза. Прислушалась.

— Он — ждёт, — прошептала она. — Он — смотрит. Он — готовит. Он — не остановился.

Марина сидела на кухне, сжимая телефон в руке так сильно, что костяшки побелели. Виолетта спала в её кровати — наконец-то уснула, после того как Марина полчаса держала её на руках, шепча что-то успокаивающее, гладя по волосам, передавая ей через прикосновения своё спокойствие.

Но спокойствия не было.

Виолетта чувствовала. Марина чувствовала это через дочь — как эхо, как отзвук чужого страха. Тёмный человек. Паук. Он смотрит. Он готовится.

Марина набрала номер Наташи.

— Наташ, — голос её дрогнул, как только подруга ответила. — Виолетта чувствует опасность. Тёмный человек. Он рядом с ними. Он готовится к удару.

Наташа на том конце провода молчала секунду. Потом — тихо, но твёрдо:

— Я поняла. Сейчас спущусь. Держись.

Она положила трубку. Посмотрела на часы — три часа ночи. За окном была чёрная, глухая ночь, без луны, без звёзд, только шум дождя по стеклу.

Наташа встала, надела халат, взяла фонарик — хотя знала дорогу наизусть — и вышла из спальни. Спустилась по лестнице в подвал. Открыла тяжёлую дверь. Включила свет.

Подвал был переоборудован в лабораторию — не магическую, но ту, что работала на стыке физики и того, что Наташа научилась называть "резонансной магией". На столе стоял кристалл — тот самый, который Алексей прислал из Воронцово, заключённый в медную оправу с рунами. Рядом — генератор, провода, мониторы, клавиатура. Всё это было настроено на определённую частоту — 7,3 герца, ту самую, на которой резонировали два мира.

Наташа села за клавиатуру. Проверила связь. Кристалл пульсировал ровным голубоватым светом — канал был открыт, стабилен. Алексей настроил его так, что сообщение могло пройти в любой момент, не только в лунные фазы.

Она начала печатать. Медленно, чётко, без лишних слов.

"Михаил. Звонила Марина. Виолетта чувствует опасность. Тёмный человек рядом. Готовится к удару. Будь осторожен."

Нажала "Отправить".

Кристалл вспыхнул ярче. Гул генератора усилился. Воздух в подвале стал плотнее, тяжелее. Наташа смотрела на монитор — сигнал шёл, резонанс стабилен, сообщение должно дойти.

Через минуту кристалл мигнул — сообщение доставлено.
Воронцово. Паутина Андрея

Андрей знал всё.

Больше пятнадцати лет он собирал информацию. Пятнадцать лет он платил золотом за каждый шёпот, за каждый взгляд, за каждую деталь. Он знал, как Михаил пьёт кофе по утрам, из серебряной чашки с гербом. Он знал, что Иван проверяет крепи в восточной штольне каждое утро в шесть тридцать. Он знал, что Алексей запирается в библиотеке после ужина и работает над какими-то расчётами до полуночи. Он знал, что Настя ведёт занятия с детьми в малой гостиной по вторникам и четвергам. Он знал, что Марина Сергеевна никакая не вдова, а маг, целительница, не просто женщина, которая хорошо считает деньги.

Он знал про отряд мальчишек.

Эту информацию ему передал один из них — курносый мальчишка лет девяти из Берёзовки, которого подкупили золотым слитком размером с орех. Мальчишка не понимал, что делает. Он думал — это игра. Что какой-то добрый господин платит ему за то, что он расска-

зывает, кто куда ходит, кто что делает. Он не знал, что этот "добрый господин" — князь Велецкий. Что он предаёт тех, кто дал ему школу, кто кормил его семью, кто верил в него.

Мальчишка рассказал всё. Про то, что Иван теперь ходит на шахту один. Про то, что Алексей занят "какими-то важными расчётами" и не ходит с братом. Про то, что охрана сосредоточена на периметре имения и на деревнях, а тропа через лес — "своя", "безопасная", "проверенная".

Андрей усмехнулся, когда услышал это.

"Своя". "Безопасная". "Проверенная".

Именно поэтому она и была уязвима.

Он знал — Михаил маг. Он знал — у Михаила охрана. Он знал — у Михаила есть отряд мальчишек, которые следят за приезжими. Но он также знал — у Михаила есть сын, который ходит один. И это было всё, что ему нужно было.

Андрей не хотел убивать Ивана.

Нет. Смерть была бы слишком лёгкой. Слишком быстрой. Слишком милосердной.

Он хотел, чтобы Михаил страдал.

Он хотел, чтобы Михаил почувствовал то же, что почувствовал он много лет назад — когда его выбросили за ворота, избитого, изуродованного, когда он лежал в грязи и смотрел на звёзды, понимая, что Екатерина — потеряна навсегда.

Он хотел, чтобы Михаил понял — каково это, когда у тебя отнимают самое дорогое. Когда ты бессилен. Когда ты не можешь защитить.

Иван был идеальной целью.

Старший сын. Наследник. Опора. Тот, на кого Михаил возлагал надежды. Тот, кого он готовил быть графом. Тот, кого он — Андрей это видел — любил больше, чем признавался себе.

Если Иван исчезнет — Михаил сломается. Не сразу. Не от удара. А медленно. От отчаяния.

Андрей представил, как Михаил будет искать сына. Как он будет прочёсывать каждую деревню, каждый лес, каждый трактир. Как он будет терять сон, терять разум, терять себя.

И тогда — тогда Андрей покажется. И посмотрит ему в глаза. И скажет: "Вот что ты сделал с моей Екатериной. Вот что ты заслужил."

Андрей не стал подкупать слуг в имении. Их всех проверяли. Их всех допрашивали после истории со Степаном. Их всех — он знал — охрана Игната Никифоровича держала на коротком поводке.

Он не стал подкупать и мальчишек-разведчиков. Кроме одного — курносого из Берёзовки. Остальные были слишком преданны. Слишком благодарны. Слишком... чисты.

Он выбрал другого.

Возчика.

Его звали Кузьма. Он работал на шахте — возил руду от забоя к складам. Он не был слугой имения. Он не был крестьянином из деревень Воронцово. Он был пришлым — из дальнего уезда, где его семья погибла от лихорадки пять лет назад. Он был одинок. Он был зол. Он пил.

Андрей нашёл его в трактире "Три дороги" — том самом, где когда-то убил Семёна. Кузьма сидел в углу, пьяный, с пустым кошельком.

Андрей сел напротив. Положил на стол золотой.

— Ты возишь руду? — спросил он.

Кузьма поднял мутные глаза. Кивнул.

— Каждый день?

— Каждый, — хрипло ответил Кузьма. — Кроме воскресенья.

— Ты знаешь тропу, по которой ходит молодой граф?

Кузьма замер. Посмотрел на золото. Потом — на Андрея.

— А тебе зачем?

— Не твоё дело, — Андрей положил ещё один золотой. — Тебе нужно только одно — подмешать это в его флягу. Утром. Когда он будет пить у колодца на тропе.

Он достал из кармана маленький флакон. Тёмное стекло. Без этикетки.

— Что это? — Кузьма не потянулся.

— Сонное зелье, — Андрей усмехнулся. — Он уснёт. Ты отнесёшь его туда, куда я скажу. И получишь ещё десять золотых.

Кузьма смотрел на золото. Долго. Потом — протянул руку.

— Где?

Андрей назвал место.

Место

Старый рудник.

В десяти верстах от Воронцово, в глухом лесу, куда никто не ходил уже лет тридцать. Когда-то там добывали железную руду — мало, некачественно, и шахту закрыли. Вход завалило. Тропы заросли. Даже лесники не заходили — боялись, говорили, что там нечисто.

Андрей знал — там есть подземные ходы. Старые, заброшенные, но целые. И — в одном из них — есть камера. Каменная. Сырая. С железными кольцами в стенах, к которым когда-то привязывали каторжников за провинности.

Он подготовил её заранее.

Принёс матрас. Одеяло. Кувшин с водой. Хлеб. Мясо — чтобы пленник не умер от голода слишком быстро. Принёс цепи — тяжёлые, кованые, с замком, ключ от которого был только у него. Принёс фонарь — магический, который горел ровно, без копоти.

И — принёс перо, бумагу, чернила.

Чтобы написать письмо.

Иван поднялся в пять утра. Оделся в рабочую куртку, взял фонарь, флягу.

Он не стал будить Алексея. Брат работал допоздна — над расчётами, над якорем. Иван не хотел его отвлекать. Это было важно для всех — для отца, для Марины, для Виолетты, для Павла. Для него самого.

Он вышел из дома тихо. Митрий уже запрягал лошадей — но не для Ивана. Для Петра Сергеевича, который ехал в губернию по делам. Иван махнул ему рукой — тот кивнул в ответ.

Охрана — двое дружинников — стояла у ворот. Они провожали его взглядом, но не пошли с ним. Тропа была "своя". "Безопасная". "Проверенная".

Иван пошёл.

Было холодно. Туман стелился по земле. Деревья стояли тёмные, неподвижные.

Он шёл быстро — привычным шагом, который знал наизусть. Каждый камень. Каждый поворот. Каждый корень.

Через двадцать минут он дошёл до колодца у тропы — того самого, где шахтёры пили воду по дороге. Он достал флягу. Поднёс к губам.

И — не заметил, как Кузьма, который стоял за деревом в десяти шагах, выдохнул.

Зелье было во фляге.

Не в колодце — там его бы заметили. Не в воде на шахте — там тоже проверяли. А именно — во фляге Ивана. Кузьма подмешал его вчера вечером, когда Иван оставил флягу у входа в шахту, пока спускался в забой.

Иван сделал глоток. Второй.

И — покачнулся.

Мир поплыл. Деревья закружились. Земля ушла из-под ног.

Он упал.

Последнее, что он увидел — небо.

И — силуэт. Который вышел из-за дерева. Который наклонился над ним. Который посмотрел ему в лицо.

Андрей.

— Здравствуй — прошептал он. — Твой отец будет не очень рад тебя не видеть.

Иван не ответил. Он уже не мог.

Кузьма — тот самый возчик — подошёл. Взвалил Ивана на закорки. Положил его в повозку, которую Андрей привёз с собой. Закрыл рогожей.

Андрей сел. Взял вожжи.

— Сходи за его флягой, — сказал он Кузьме. Кузьма отвернулся и осел, это было последнее что он сделал, нож Андрея вошел в сердце. Кузьма даже не понял как умер. Смерть была мгновенной. Андрей оттащил тело в сторону в кусты. Он не прятал следы. Он уже все сделал. Его план сработал.

Повозка тронулась. Медленно, не спеша, по лесной тропе — той самой, которой никто не пользовался. К старому руднику. К месту, где никто не найдёт.

Пробуждение

Иван очнулся от холода.

Первое, что он почувствовал — сырость. Камень. Запах плесени, старой земли, ржавчины.

Второе — боль. В голове. В руках. В плечах — словно их вывернули.

Третье — темнота.

Он открыл глаза. Не увидел ничего. Только — тусклый, голубоватый свет. Магический фонарь. Он горел в углу — ровно, без мерцания.

Иван попытался сесть. Не получилось. Руки — прикованы. К кольцу в стене. Цепи — тяжёлые, холодные, длинные настолько, чтобы он мог дотянуться до матраса, но не до двери.

Ноги — свободны. Но встать он не мог — голова кружилась, тошнило.

Он осмотрелся.

Камера. Каменная. Небольшая — шагов пять в длину, три в ширину. Потолок — низкий, давящий. Стены — мокрые, с потёками. Пол — каменные плиты, холодные.

В углу — матрас. Тонкий. Одеяло. Кувшин с водой. Хлеб. Мясо — завёрнутое в тряпку.

В другом углу — ведро. Для нужд.

Дверь — тяжёлая, дубовая, с железными полосами. Заперта. Снаружи — засов. Он слышал, как он щёлкнул, когда приходил — тот человек.

Иван попытался вспомнить.

Тропа. Колодец. Фляга. Глоток.

И — темнота.

Он попытался крикнуть. Голос — хриплый, слабый. Не вышел.

Он дёрнул цепи. Зазвенели. Гулко, страшно.

Никто не пришёл.

Он сел на матрас. Прижался спиной к стене. Закрыл глаза.

Попытался думать.

Кто? Зачем? Где?

Он вспомнил — силуэт. Который наклонился над ним. Который посмотрел ему в лицо.

Шрамы.

Много шрамов. На лице. На руках.

Он вспомнил рассказы отца. Про князя Андрея Велецкого. Про возлюбленного матери. Про того, кого наказали плетьми пятнадцать лет назад. Про того, кто исчез. И — кто вернулся.

С местью.

Иван закрыл глаза.

Страха не было, была досада.

Он понял — он стал инструментом. Инструментом мести. Инструментом, через который этот человек хочет причинить боль отцу.

Он подумал о отце. О том, как тот сейчас. Как ищет. Как сходит с ума.

Он подумал о Алексее. О том, что брат не пришёл с ним сегодня. Что брат занят расчётами. Что брат — если бы знал — пошёл бы с ним. И — тоже был бы здесь.

Он подумал о Насте. О Виолетте. О Павле. О Марине, которая стала ему дорога как мать.

Он подумал о Митрии. О Петра Сергеевиче. О дружинниках, которые провожали его взглядом, но не пошли с ним.

Он подумал о мальчишках-разведчиках. О тех, кто следил за приезжими. О тех, кто — он теперь понимал — не уследил. Или — предал.

Он сжал кулаки. Цепи зазвенели.

— Я не сломаюсь, — прошептал он в темноту. — Я — Воронцов.

Письмо было написано заранее.

Андрей сидел в комнате, на постоялом дворе. За столом. С пером в руке.

Перед ним — лист бумаги. Белый. Чистый.

Он начал писать.

"Графу Михаилу Ивановичу Воронцову.

Твой сын — у меня.

Жив. Здоров. Содержится в условиях, которые я считаю приемлемыми. Он не голодает. Не мёрзнет. Не избит. Пока.

Если ты хочешь увидеть его живым — приезжай один. Без охраны. Без магии. Без дружинников. Без детей.

Место — старая засыпанная штольня контробандистов, откуда воровали серебро из шахты.

Приезжай завтра. На рассвете.

Если придёшь не один — если приведёшь охрану — если попробуешь использовать магию — я убью его. Медленно.

Если не придёшь — я убью его через неделю. И пришлю тебе палец. Потом — ухо. Потом — голову.

Если придёшь один — мы поговорим. Ты посмотришь на своего сына. Я посмотрю на тебя. И ты поймёшь — каково это, когда у тебя отнимают самое дорогое.

Каково это — когда ты бессилен.

Каково это — когда ты теряешь.

Я ждал шестнадцать лет, граф. Я нёс эти шрамы. Я ждал момента, когда ты почувствуешь то же, что почувствовал я.

Этот момент настал.

Приезжай.

Андрей Велецкий. Князь. Тот, у кого ты украл жизнь."

Он запечатал письмо. Сургучом. Красным. Как кровь.

Вызвал посыльного.

— Отвези это в имение Воронцово, — сказал он. — Отдай Митрию. Скажи — для графа. Лично.

Посыльный кивнул. Взял письмо. Ушёл.

Андрей остался один.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел в темноту.

— Я иду, Екатерина, — прошептал он. — Я иду за тобой. И он за все заплатит.

Он улыбнулся. Тихо. Горько. Безумно.

— Подожди меня, граф. Я уже иду.
Воронцово

Митрий получил письмо утром.

Посыльный подошёл к воротам имения. Сказал — для графа. Лично. От важного господина.

Митрий взял письмо. Посмотрел на сургуч. Нахмурился.

— Кто прислал?

— Не сказал, — посыльный пожал плечами. — Только — для графа. Лично.

Митрий кивнул. Отпустил его.

Подошёл к дому. Постучал в дверь кабинета.

— Ваше сиятельство. Письмо. Лично.

Михаил открыл. Взял. Разорвал печать. Развернул.

Прочитал.

Митрий увидел — как изменилось его лицо. Как побледнело. Как сжались кулаки. Как задрожали руки.

— Ваше сиятельство? — тихо спросил он.

Михаил не ответил. Он смотрел в письмо. Долго. Потом — медленно поднял голову.

— Где Иван? — прошептал он.

— На шахте, ваше сиятельство. Должен был вернуться час назад.

— Он не вернулся.

Митрий побледнел.

— Как... не вернулся?

— Похищен, — Михаил сжал письмо в кулаке. — Князь Андрей Велецкий. Он пишет — Иван у него.

Митрий зашатался. Схватился за косяк двери.

— Ваше сиятельство... что делать?

Михаил закрыл глаза. Сделал глубокий вдох. Открыл.

— Собирай всех. Дружинников. Игната Никифоровича. Петра Сергеевича. Всех.

Он встал. Подошёл к столу. Положил письмо.

— И — разбуди Алексея. Скажи — срочно.

Он посмотрел на Митрия.

— Мы идём спасать моего сына.

Воронцово. Кабинет Михаила.

Михаил сидел за столом, перед ним — карта имения, карта деревень, план шахты

Дверь кабинета открылась. Вошёл Алексей — бледный, с широко открытыми глазами, в руках — блокнот.

— Отец, — голос его дрогнул. — Сообщение. От Наташи.

Михаил поднял голову.

— Что?

Алексей протянул блокнот. Михаил взял. Прочитал.

"Михаил. Звонила Марина. Виолетта чувствует опасность. Тёмный человек рядом. Готовится к удару. Будь осторожен."

Он закрыл глаза. Сжал кулаки. Поздно. Ивана похитил Андрей Велецкий.

Москва.

Виолетта проснулась первой.

Она лежала в кровати, глядя в потолок, и слушала. Не ушами — а тем, что было до того, как спал блок. Тем, что позволяло ей чувствовать людей, их состояния, их боль, их страх.

Она чувствовала маму. Мама не спала. Мама боялась.

Виолетта села на кровати. Посмотрела на Павла — тот спал, прижав к себе деревянную лошадку, тихо посапывая.

Виолетте пошла к маме.

— Мама, нам нужно к мосту, — сказала она. Голос её был ровным, но в нём была та самая взрослая решимость, которая появлялась у неё, когда она чувствовала что-то важное. — Быть рядом. На связи. Это важно.

— К мосту? Почему?

— Папа Михаил идёт в ловушку, — она посмотрела на нее прямо. — Ивана там нет. Но обвал случится. Сегодня.

— Я чувствую, — она пожала плечами. — Паук. Он смотрит. Он готовится. Он ждёт, когда папа Михаил пойдёт в шахту. Но Ивана там не будет. Обвал случится, и Ивана никто не найдет.

Марина закрыла глаза. Сжала кулаки.

— Ты права, — тихо сказала он. — Мы едим.

Она повернулась — крикнула в коридор.

— Мама, звони Игорю, берите Павла и езжайте к Наташе в коттедж. Мы с Виолеттой выезжаем немедленно, времени нет, все обьясню потом.

Марина набрала Наташу.

— Наташ, мы с Виолеттой выезжаем, готовь оборудование. Передай не ходить в шахту там готовиться обвал- покушение на Михаила. Все я выезжаю.

Мама стояла на пороге кухни, встревоженная, но собранная.

— Марина, езжайте, я позвонила Игорю, мы с Павлом следом.

— Спасибо, мама, за все.

— О чем ты дочка? Мы одна семья. Будьте осторожны.

— Хорошо, будем.

Мама кивнула и пошла собирать Павла. Виолетта уже была одета и ждала Марину. Марина взяла ключи от машины и они вышли к лифту.

Воронцово.

Граф посмотрел на сообщение.

— Алексей, будь у моста, вдруг еще будет послание. А я собираю дружину.

— Хорошо, отец. Ты же не пойдешь один?

— Конечно сын, я знаю, что нельзя доверять тому что написано. Мы спасем Ивана, и покончим с этой угрозой.

В кабинет вошел Петр Федорович

— Я дал Насте успокоительное, она потрясена. Не беспокойся я прослежу за домом и детьми. Ищи Ивана, я буду здесь. И Михаил, береги себя. Не верь подлецу.

— Спасибо, Петр, за поддержку, за то что ты с нами.

Петр Федорович кивнул, вышел из кабинета и пошел к Алексею. Племяннику сейчас будет нужна помощь. И все вместе они справятся, потому что они семья. А в семье все поддерживают и помогают друг другу.

Глава 6. Голос из темноты

Машина остановилась у ворот коттеджа. Марина вышла, открыла заднюю дверь. Виолетта выскользнула наружу сама. Не оглядываясь. В глазах — та самая взрослая сосредоточенность, которая появлялась только когда она чувствовала беду.

— Мама, — тихо сказала она. — Нам в подвал. Сейчас.

В подвале у Наташи уже гудел генератор. На столе пульсировал кристалл в медной оправе с рунами. Наташа сидела за ноутбуком, пальцы быстро бегали по клавишам. На экране бежали строки текстового диалога — короткие, чёткие, без задержек.

— Текстовый канал держит, — сказала Наташа, не поднимая глаз. — Сообщения проходят в любое время, без лунных фаз, без резонанса. Алексей настроил якорь. Связь свободная.

— Мама, мне нужно с ним, — Виолетта подошла к столу, положила ладонь на край. — С Михаилом Ивановичем. Прямо сейчас.

— Солнышко, я уже отправила ему предупреждение. Он знает, что что-то не так…

— Нет, — Виолетта перебила. Голос ровный, без детских интонаций. — Текст не подойдёт. Я должна ему сказать. Он нужен возле моста. Возле трещины. И тогда я смогу показать ему Ивана. И ловушку в шахте.

Наташа оторвала взгляд от монитора. Посмотрела на Марину. Та кивнула — коротко, без вопросов.

— Хорошо, — сказала Наташа. Передаю сообщение "Михаил иди к валу, туда где трещина, там Виолетта покажет что случилось с Иваном" Ответил Алексей: "Принято, Отец пошел к валуну"

— Настраиваю прямой канал. Виолетта, садись. Положи обе ладони на кристалл. Закрой глаза. Я выведу частоту. Но будь готова — это не текст. Это поток. Он может ударить по голове.

Виолетта села. Ладони легли на тёплый янтарь. Глаза закрылись.

Воронцово. Поляна у валуна.

Михаил стоял один. Ветер трепал полы плаща. В руке — планшет. Экран горел ровным светом. Он закрыл глаза, расслабил плечи, открылся. Как учил Алексей. Как просила Марина.

— Я здесь, — прошептал он. — Я слушаю.

Москва. Подвал.

Виолетта не двигалась. Дышала ровно. И — отпустила то, что несла в себе.

Не словами. Не жестами. А тем, что жило внутри неё. Обрывки образов. Чёткие, тяжёлые, настоящие. Они пошли по каналу — не через текст, не через звук. Прямо в сознание.

В голове Михаила вспыхнуло.

Тропа. Утренний туман. Иван идёт один. В рабочей куртке, с фонарём. Быстро, уверенно.

Колодец у поворота. Он останавливается. Открывает флягу. Подносит к губам. Делает глоток. Вода — с привкусом. Горьковатым. Чужим.

Он шатается. Хватается за ствол дерева. Ноги подкашиваются. Фонарь падает.

Из-за деревьев — силуэт. Плащ. Капюшон. Руки в старых шрамах. Андрей.

Повозка. Тёмная, с брезентовым пологом. Ивана кладут внутрь, грубо, но без спешки. Закрывают рогожей.

Лошади трогают. Но не в сторону шахты. Не к руднику. Повозка сворачивает с тропы. Едет по старой дороге. Той, что идёт в старую шахту, где работали каторжники. В глушь.

Образы шли быстро, рваными кадрами, но без искажений. Как будто кто-то невидимый вживил их прямо в память. Без помех. Без задержек.

Воронцово.

Михаил открыл глаза. Воздух в лёгких застыл. Планшет выпал из рук, ударился о траву. Он не поднял.

— Андрей, — выдохнул он. — Старая дорога. Шахта.

Он уже разворачивался. К лесу. К конюшне. К людям. План в голове выстроился мгновенно, холодный, чёткий, без эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.